Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА—ИЗДАНИЕ ЦК КП(б)Б

№ 53 (2920) ВОСКРЕСЕНЬЕ 6 марта 1938 г.

СМЕРТЬ ПРЕЗРЕННЫМ ИЗМЕННИКАМ РОДИНЫ— ТАКОВО ЕДИНОДУШНОЕ ТРЕБОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

ПРЕЗРЕННЫЕ ПРЕДАТЕЛИ, ТОРГОВЦЫ РОДИНОЙ

С каждым днем все больше и больше раскрывается перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР, перед всем советским народом жуткая, потрясающая картина подлой предательской работы бандитов и диверсантов «право-троцкистского блока».

До какой ступени морального растления дошла эта отвратительная свора убийц и предателей! Презренные торговцы родиной, реставраторы капитализма в нашей стране, подлые шпионы верой и правдой служили фашизму, не гнушались никакими средствами в борьбе с советской властью. Как ядовитые змеи, они пытались ужалить наш советский народ, распродать оптом и в розницу священную землю страны социализма.

В борьбе с первым в мире социалистическим государством рабочих и крестьян об'единились все черные силы, все верные холопы капитала, смрадное отребье рода человеческого: троцкисты, правые, зиновьевцы, меньшевики, эсеры и национал-фашисты. Продавшись иноземной буржуазии, право-троцкистские бандиты с помощью фашистских штыков стремились прийти к власти и восстановить в нашей стране буржуазно-помещичий строй.

В числе подлых бандитов, диверсантов и убийц, представших перед пролетарским судом, находится и матерой враг народа, разведчик польского генерального штаба Шарангович. Мерзкий и подлый — этот шпион и убийца с большой дороги, в своей дикой ненависти к стране социализма, к великой партии Ленина—Сталина, не останавливался ни перед какими преступлениями, чтобы выслужиться перед своими хозяевами из польской дефензивы.

В послужном списке этого прожженного изменника числится долголетняя шпионская служба в польском генеральном штабе. Как явствует из следствия, Шарангович еще в 1921 году был переброшен польской разведкой на территорию СССР. Пробравшись на ответственные советские и партийные посты, этот наглый фашистский хищник на протяжении многих лет передавал польской разведке различные государственные и партийные секретные материалы.

Вступив в белорусскую национал-фашистскую организацию, Шарангович становится одним из руководителей этой махровой черносотенно-контрреволюционной организации. Подлые предатели, диверсанты—Шарангович, Червяков, Голодед и другие мерзавцы из контрреволюционной националистической организации по прямому указанию польской разведки и руководителей «право-троцкистского блока» кровавых дел мастеров Бухарина и Рыкова, плели кровавую сеть преступлений, ставя своей задачей свержение советской власти и восстановление капитализма, поражение СССР в войне с фашистскими государствами и отторжение Белоруссии от Советского Союза. Они хотели надеть на белорусских рабочих и крестьян ярмо рабства, заковать наш белорусский народ в цепи фашистского произвола.

С цинизмом профессионального палача Шарангович рассказывает на суде, как белорусские национал-фашисты пользовались методами вредительства, террора, диверсии.

Превзошедшие в гнусности провокаторов из царской охранки, белорусские национал-фашисты в провокационных целях стремились вызвать недовольство среди населения, проводили диверсионную разрушительную работу в промышленности и сельском хозяйстве республики. Эти лазутчики польской дефензивы всемерно тормозили рост колхозной зажиточности, срывали организационно-хозяйственное укрепление колхозов. По указке своих хозяев — польского генерального штаба и троцкистско-бухаринских провокаторов — они издевались над колхозниками и единоличниками, запутывали севообороты, лишали колхозников приусадебных участков.

Это они распространяли чуму среди свиней, анемию и менингит среди лошадей. В результате этого вредительства в нашей республике, по признанию самого бандита Шаранговича, пало около 30 тысяч лошадей.

Ни одна отрасль социалистического строительства не осталась вне поля зрения этой оголтелой банды диверсантов.

Враги советского государства, презренные национал-фашисты, как и вся банда из «право-троцкистского блока», всячески пытались побольше напакостить, навредить народным массам, продать Советский Союз своим фашистским хозяевам. Но изверги просчитались. Карта врагов бита. Не вышло и не выйдет, господа фашистские лазутчики!

Доблестная советская разведка во главе со своим сталинским наркомом Николаем Ивановичем Ежовым, при активной помощи всего многомиллионного советского народа, разоблачила, вывела на чистую воду шпионов и диверсантов. Враги советского народа, убийцы и провокаторы, чьи руки обагрены кровью лучших из лучших сынов советского народа — кровью Кирова, Куйбышева, Горького, Менжинского—предстали перед пролетарским правосудием.

Несмотря на вредительство этих озверелых человеконенавистников, изо дня в день растет и развивается промышленность и сельское хозяйство нашей орденоносной республики, изо дня в день растет благосостояние трудящихся масс города и деревни. Цветет и крепнет Советская Белоруссия.

Белорусский народ горячо любит свою прекрасную, радостную, как солнце, родину. Вместе со всеми трудящимися великого необ'ятного Советского Союза, белорусский народ, освобожденный от гнета и бесправия царского самодержавия, строит новую, полную радости и счастья, жизнь. Как никогда сплоченные вокруг партии Ленина — Сталина и советского правительства, вокруг великого вождя народов товарища Сталина, белорусские рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция единодушно требуют уничтожения право-троцкистских бандитов, убийц и диверсантов и заявляют.

— Мы зорко стоим на страже западных рубежей нашей родины. В любой момент по зову партии и советского правительства мы готовы стать на защиту великих завоеваний Октября. Никому никогда не удастся оторвать счастливую Советскую Белоруссию от Великого Союза Советских Социалистических Республик!

Тов. ГОРЕВ К. В.—ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК БССР

Совет Народных Комиссаров БССР утвердил решение состоявшейся на днях внеочередной сессии Академии наук БССР об избрании тов. Горева Константина Васильевича действительным членом и президентом Академии наук БССР.

Тов. Горев в 1930 году окончил Московский институт цветных металлов, с 1933 года — он доцент института цветных металлов, кандидат технических наук.

(БЕЛТА).

На фронтах в Испании

(По сообщениям ТАСС)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФРОНТ

По сообщению агентства Гавас, в секторе Карабанчель, к югу от Мадрида, республиканские войска вытеснили мятежников из развалин одного дома, откуда производились атаки на позиции республиканцев.

На севере провинции Гвадалахара республиканская кавалерия атаковала позиции мятежников вдоль дороги на Сорию.

В районе реки Тахо мятежники предприняли безуспешную попытку вернуть себе отвоеванные республиканцами позиции в Каса де Ла Легуа (близ Толедо).

Согласно сообщению испанского министерства обороны от 4 марта, за весь этот день на различных фронтах не происходило никаких активных военных операций.

ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ

По сообщению испанского министерства обороны, девять трехмоторных бомбардировщиков мятежников в сопровождении трех истребителей бомбардировали днем 4-го марта деревню Альканьис (на восточном фронте). Убито около ста человек.

К вечеру фашистский гидросамолет совершил рейд над Барселоной, сбросив над городом несколько бомб. Убито двое и ранено несколько человек.

* * *

ПАРИЖ, 5 марта (БЕЛТА). Мадридский корреспондент агентства Эспань передает, что республиканские наблюдатели сообщают о происходящих на гвадалахарском фронте значительных передвижениях войск мятежников.

По сведениям, сообщенным перебежчиками из лагеря мятежников, перешедшими в расположение республиканских войск, подтверждается, что командование мятежников отозвало несколько войсковых соединений с теруэльского фронта на другой же день после захвата Теруэля. Эти войска концентрируются сейчас на севере провинции Гвадалахары и распределяются по различным гарнизонам. Однако деятельность республиканской артиллерии, беспрестанно бомбардирующей пути сообщений мятежников как на фронте, так и в тылу, в сильной мере затрудняет эти передвижения.

ЕДИНОДУШНОЕ ТРЕБОВАНИЕ

ГОМЕЛЬ. (По телефону от наш. спец. корр.). Трудящиеся Гомельщины с неослабным вниманием следят за ходом судебного процесса «право-троцкистского блока». Рабочие, колхозники, советская интеллигенция клеймят позором фашистских бандитов, требуют беспощадной расправы над взбесившимися собаками — Бухариным, Рыковым, Ягодой и всей их кровавой сворой.

Стахановец электросварочного цеха паровозо-вагоноремонтного завода тов. Прищепинский в своем выступлении на заводском митинге, выражая мысли всего рабочего коллектива, заявил:

— Пусть буржуазия всех стран знает, что мы всегда готовы на защиту нашей цветущей родины. Под руководством большевистской партии наш советский народ сумеет дать отпор всякой контрреволюции и будет всегда громить все происки фашизма и его кровавой агентуры. Смерть врагам народа — таково наше требование, таково требование всего счастливого советского народа.

Общее собрание колхозников сельхозартели им. Ворошилова просит Военную Коллегию Верховного Суда вынести беспощадный приговор право-троцкистским бандитам.

— Нет места этой своре на нашей земле, — заявляют колхозники.

«За каждую каплю крови лучших сынов родины, пролитую по вине врагов социализма, они заплатят пудами своей черной крови. Советское правосудие выполнит волю многомиллионного народа и уничтожит троцкистско-бухаринское отребье»,—заявляет собрание красных партизан.

Домохозяйки, учителя, студенты, ученики, рабочие промартелей, работники советской медицины — все трудящиеся в один голос требуют: смерть предателям, уничтожить фашистскую гадину, очистить советскую землю и воздух от зловонной падали, посмевшей посягнуть на завоевания социализма.

ЧИКУН.

—О—

ГНЕВ И НЕНАВИСТЬ

ОСИПОВИЧИ. (По телефону). На всех предприятиях, в колхозах района проходят митинги трудящихся, которые выражают свое презрение к подлым изменникам родины — Рыкову, Бухарину, Шаранговичу и их сподвижникам.

На митинге колхозных бригадиров и звеньевых колхозница сельхозартели им. Кагановича Алешкевич Анна заявила:

— Подлые выродки, продажные фашистские псы много навредили нашей стране. Они убили нашего дорогого Кирова, умертвили дорогих товарищей Куйбышева, Менжинского, Горького. Они хотели потопить в крови наш советский народ. Мы, колхозники, требуем уничтожения фашистских шпионов.

На общегородском митинге в Осиповичах выступил комбайнер МТС тов. Загоровский. Он сказал:

— Мерзавцы из «право-троцкистского блока» стремились вернуть ярмо эксплоатации и гнета нашему свободному, счастливому народу. Никогда этому не быть! Советский народ сметет с лица земли всех шпионов, диверсантов, убийц.

Митинги прошли на торфозаводе «Свобода», стеклозаводе «Октябрь», железнодорожном транспорте, в колхозах «Большевик», «Кастрычнік», им. III Интернационала и других. Всюду трудящиеся в своих резолюциях требуют от Военной Коллегии Верховного Суда уничтожить предателей родины, агентов. фашизма. Смерть врагам!—таково единодушное требование трудящихся.

Г. СЕРГЕЕНКО.

ЗЛЕЙШИЕ ВРАГИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Читая отчеты о процессе антисоветского «право-троцкистского блока» содрогаешься от одной мысли, что существовала на нашей земле эта гнуснейшая падаль, все эти рыковы, бухарины, шаранговичи и прочие ядовитые ягоды из мерзкого фашистского болота.

Да смеют ли они дышать еще нашим воздухом, отравлять его своим зловонием, своей мерзостью?

Много вреда принесли эти мерзавцы и нашей Белорусской Советской Социалистической Республике, нашему белорусскому народу. Вместе с польским шпионом Шаранговичем они стремились закабалить наш народ, отдать его под власть польской шляхты, под власть фашистов.

Подручные Шаранговича стремились разрушить наше хозяйство, подорвать культурную и экономическую мощь нашей советской республики.

Но тщетными оказались все их иудины замыслы. Вопреки бешеным усилиям этих ничтожнейших пигмеев, посмевших выступить против гиганта—советского народа, растет и крепнет великий Советский Союз, растет и крепнет наша республика. Растут на нашу радость, растут на страх врагам.

Советский народ непобедим! Таким он был, есть и будет. И кто бы ни выступил против него—всех их ожидает одна и та же участь—участь бешеных псов, которых уничтожают.

М. ЛЫНЬКОВ.

МАТЕРОЙ ШПИОН ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ

Допросы бандитов из антисоветского «право-троцкистского» блока все больше и больше раскрывают беспримерные преступления фашистских выродков — Рыкова, Бухарина, Ягоды, Раковского и других.

4 марта перед судом предстал матерой шпион польской охранки Шарангович. Вместе с Червяковым и Голодедом он был руководителем белорусской национал-фашистской организации. Эти изверги вредили на всех участках социалистического строительства БССР, уничтожали конское поголовье, отравляли скот, передавали секретные материалы польской разведке.

Немало национал-фашисты напакостили и на культурном фронте БССР. Они насаждали своих людей в наших культурных учреждениях, всячески срывали работу школ, издательств. Враги народа, орудовавшие в театрах БССР, в Белгоскино, в Управлении по делам искусств, пытались оторвать театры от боевых задач социалистического строительства, тормозили создание национального по форме и социалистического по содержанию искусства.

Слава нашим чекистам, которые и на этот раз раскрыли гнусные замыслы Шаранговича и других белорусских национал-фашистов, входивших в «блок»!

Смерть всем фашистским собакам!

А. В. НИКОЛАЕВА— артистка Белорусского театра оперы и балета.

ПРИВЕТСТВУЕМ СЛАВНЫХ ЧЕКИСТОВ

ОРША. (От нашего спец. корр. на борту самолета «Иван Михеев»). Небо было затянуто белесыми тучами, но к 9 часам утра просветлело. В 10 часов самолет агитэскадрильи им. М. Горького — «Иван Михеев», совершающий полеты в районы Белоруссии по заданию Наркомпроса БССР, легко оторвался от оршанского аэродрома. Спустя несколько минут вдали зачернели многочисленные постройки большой деревни Яковлевичи. Самолет, пилотируемый летчиком Соколовым, пошел на снижение. После приземления самолет тотчас же был окружен колхозниками, учителями и учениками. Многие из них стали расспрашивать экипаж самолета о ходе судебного процесса антисоветского «право-троцкистского блока».

Зал местной школы был переполнен. Затаив дыхание, присутствующие слушали информацию о злодейских делах Бухарина, Рыкова и др. предателей.

Затем выступил учитель школы тов. Ячейко.

— Трижды презренные Бухарин, Рыков и прочая мразь, — говорит тов. Ячейко, — состояли на службе фашистских разведок, продавали нашу родину оптом и в розницу. Эти фашистские выродки хотели расчленить нашу страну, превратить ее в колонию империалистов, но кровавые собаки пойманы с поличным. Славная советская разведка во главе с тов. Ежовым разоблачила черные замыслы деятелей из «право-троцкистского блока». Мы горячо приветствуем работников НКВД, мы удесятерим свою революционную бдительность и еще энергичнее будем выкорчевывать остатки врагов народа.

Бор. ВИНОГРАДОВ.

ПРОКЛЯТЫЕ ИСТОРИЕЙ

Ненавистью,
Злобой бессильной к народу
Горели
Душонки фашистского сброда,
Они бы
С торгов продавали свободу,
Купаясь
В крови трудового народа.
Они бы
В тупом восхищеньи глядели
На дикий разгром
Городов и селений.
Они бы
Железные цепи надели
На мир,
На свободу,
На творческий гений.
Страну
Мирового величья и славы,
Цветущую,
Гордую родину нашу
Они бы
Залили потоком кровавым,
Сожгли-б,
Затоптали-б колхозные пашни.

Подонки,
Поскребыши своры фашистской,
Бухарины, рыковы —
Дикие звери!
Вам с вашей оравой
Блудливо-речистой
Расстрел —
К сожалению, высшая мера.
Вам,
Гнусная помесь собаки с волчицей,
Не грабить
Страну восходящего счастья.
Расстрел!
Никогда, ни за что не случится,
Что-б нашу страну
Растерзали на части.
Ползущих, шипящих,
Таящихся в щелях —
Вас выловим всех,
Уничтожим вас, гадов,
Чтоб нам не мешали
Итти к нашей цели,
Чтоб нам на пути
Не стояли преградой!

И. ДЕНИСЕНКО.

Бригада колхоза «1 мая», Кайковского сельсовета, Минского района, за читкой материалов процесса антисоветского «право-троцкистского блока», опубликованных в газете. Читает комсомолец-колхозник т. Хмелевский Л. А.

Белсоюзфото.

ГНЕВ НАРОДНЫЙ

Трудящиеся орденоносной Советской Белоруссии, как и весь советский народ, содрогнулись от негодования, узнав о кошмарных, леденящих душу преступлениях, о дьявольских планах порабощения нашей родины, разработанных право-троцкистской бандой во главе с Бухариным, Рыковым и прочей сволочью.

Гневом, испепеляющей ненавистью к презренным врагам народа, к подлым изменниками родины дышат поступающие в редакцию сотни резолюций, принятых на митингах и собраниях рабочих, служащих, колхозников, красноармейцев, учащихся, врачей и инженерно-технических работников.

«...Фашистская банда убийц, пишут в своей резолюции рабочие минского трамвая, хотела растерзать нашу социалистическую родину, оторвать Советскую Белоруссию от Советского Союза и путем шпионажа, диверсий и террора спровоцировать военное нападение на СССР. Но нет такой силы в мире, которая могла бы остановить победоносное шествие коммунизма. За каждую каплю пролитой крови рабочих и крестьян пудами своей крови заплатят враги советского народа».

Процесс над бандой убийц, шпионов и провокаторов заставил белорусский народ вновь, с еще большей силой почувствовать боль утраты безвременно погибших от злодейской руки, кристально чистого большевика В. В. Куйбышева, несгибаемого чекиста В. Р. Менжинского, великого пролетарского писателя Максима Горького.

«Мы глубоко скорбим о погибших от руки презренных палачей наших незабвенных стойких борцов за дело коммунизма товарищах Кирове, Горьком, Куйбышеве и Менжинском. Наш гнев так велик, что мера покарания злодеев—позорная смерть—кажется слишком мягкой»,—пишут в своей резолюции рабочие и служащие Белсельхозснаба.

Единодушен и беспощаден приговор белорусского народа над волчьей, давно потерявшей человеческий облик стаей троцкистско-бухаринских мерзавцев.

— Просим пролетарский суд смести с лица земли убийц, шпионов и провокаторов из антисоветского «право-троцкистского блока»,—требуют домашние хозяйки, проживающие в домах №№ 72 и 74 по Советской улице г. Минска.

— Приговорить к расстрелу подлых убийц и изменников,—требуют колхозники сельхозартели им. Дзержинского.

«Только позорная смерть может быть уделом гнусных провокаторов и фашистских наймитов»,—пишут в своей резолюции красноармейцы и командный состав №-ской части.

Выражая свой гнев и презрение к кучке заклятых врагов народа, рабочие, колхозники, красноармейцы и советская интеллигенция на митингах и собраниях еще и еще раз продемонстрировали свою несокрушимую и безграничную любовь, преданность к нашей партии, к вождю народов великому Сталину, продемонстрировали свою неразрывную связь с советской разведкой, со славным НКВД.

«Доблестная советская разведка прервала гнусную деятельность троцкистско-бухаринской банды. Слава нашей советской разведке, слава сталинскому наркому т. Ежову!»—пишут преподаватели и ученики 6 минской средней школы.

* * *

Резолюции, клеймящие подлую группу троцкистско-бухаринских убийц и приветствующие славные органы НКВД, в редакции получены от следующих организаций: от обувной фабрики имени Тельмана, домашних хозяек бывших 26, 28, 46 избирательных участков г. Минска, управления комбината «Союзоргучет», общего собрания домохозяек быв. 23 избирательного участка, Белконторы «Заготскот», Белкоммунстройтреста, рабочих и служащих парка культуры им. Горького, Наркомлеса БССР, I минской средней школы им. А. С. Пушкина, юридического института, киностудии Белгоскино, асфальто-бетонного завода, строительного техникума, завода «Ударник», Белорусской базы «Союзоптобакалея», строительства гостиницы, института охраны труда, школы профдвижения, центральных мастерских, Управления связи, бондарной артели «Ударник», гомельского лесокомбината им. Н. И. Ежова, Белгеоразведки, 6 средней школы, Дома техники, Центрального дома крестьянина, обувной фабрики индивидуального пошива, преподавателей 5 школы, механической мастерской Белшвейтреста, Минского горсовета, артели «Пролетарий», Белгосуниверситета, автошколы части, где комиссаром т. Ключников, Белкоопсоюза, Госплана БССР, сберкассы № 16, Белпромутильсоюза, типографии имени Сталина, 1 и 29 минских школ, школы ФЗУ коммунального хозяйства и др.

—О—

ДО КОНЦА РАЗОБЛАЧИТЬ ВРАГОВ НАРОДА

БУДОКОШЕЛЕВ. (От наш. корр.). На митингах трудящихся местечка, совместно с колхозниками близлежащих колхозов, рабочие и колхозники клеймили позором подлый «право-троцкистский блок». Они единодушно требовали от Военной Коллегии Верховного Суда СССР суровой расправы над изменниками родины—расстрела.

— Подлым предателям нет места на земле. Их надо уничтожать, как бешеных собак, — говорит в своем выступлении слесарь Будокошелевской МТС тов. Щилко.

В принятой резолюции рабочие, трактористы, курсанты и служащие МТС пишут:

«Выше революционную бдительность! Всемерно будем помогать славным наркомвнудельцам до конца разоблачить подлых врагов народа».

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 4 МАРТА

Допрос подсудимого ШАРАНГОВИЧА*)

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Шарангович, вы подтверждаете ваши показания, данные на предварительном следствии?

Шарангович. Полностью подтверждаю. Позвольте мне рассказать все последовательно. Изменником родины я стал в августе 1921 года и был им до ареста. В августе 1921 года после заключения мира с Польшей я возвращался из польской тюрьмы, в порядке обмена, как заложник с группой осужденных. Я остановился в Варшаве. В Варшаве нас вызывали поочередно в советское посольство, чтобы выяснить лицо каждого из нас. В советском посольстве работал тогда некто Вноровский. Этот Вноровский заявил мне, что поляки не хотят меня выпускать и что они смогут это сделать только в том случае, если я дам согласие работать в польской разведке. Я это согласие дал и после этого польской разведкой и был переброшен в Советский Союз. По прибытии в Минск этим же Вноровским я был связан с ответственным резидентом польской разведки Богуцким, который занимал тогда ответственный пост в Белоруссии. Богуцкий уехал из Белоруссии в 1923 году и перед от'ездом связал меня с ответственным польским резидентом, занимавшим тогда в Белоруссии тоже довольно ответственное положение, — Славинским.

Я тогда работал в Белоруссии с половины 1923 года и до половины 1924 года старшим помощником прокурора республики. Через меня проходило много дел, шпионских и других дел более важных. По заданию Славинского я информировал его о сущности этих дел и о лицах, проходящих по ним.

В начале 1926 года я уехал из Белоруссии в Сибирь, и у меня связи с польской разведкой временно оборвались. Оставался я, конечно, агентом польской разведки, но конкретно каких-нибудь заданий я не получал. Возобновилась эта связь — и более активная, чем предыдущая — в конце 1932 или в начале 1933 года, конкретно с консулом одного из иностранных государств, граничащих с Белоруссией. Это было уже после того, как я вступил в национал-фашистскую антисоветскую организацию в Белоруссии.

Было это так. Ко мне обратился некто Жебровский, который тогда занимал пост третьего секретаря ЦК компартии Белоруссии, но с ним разговор я имел, собственно говоря, зондирующий. Более ясный разговор по этому поводу я имел с Бенеком, который работал в Белоруссии наркомземом. Бенек предложил мне от имени этого консула следующее: хотя этот консул и имеет уже достаточно тесную связь с рядом людей, входящих в руководство национал-фашистской организацией в Белоруссии, в том числе и с ним, с Бенеком, однако он хочет установить и со мной эту связь, имея в виду, что я нахожусь на партийной работе.

В это время я передал через Бенека содержание некоторых решений ЦК ВКП(б), относящихся к Белоруссии. Потом дал информацию о шоссейных дорогах, о сети партийных ячеек и по ряду политических вопросов. Но дело, конечно, заключается не только в том, что я передавал, и не только в моих личных связях, а дело, главным образом, в том, что уже к тому периоду наша национал-фашистская организация, одним из руководителей которой я был, была по существу тесно связана с польским генеральным штабом.

В национал-фашистскую организацию я был завербован Голодедом и Чернышевичем в начале 1932 года. Голодед подробно информировал меня о составе этой организации и о том, что эта национал-фашистская организация связана с московским центром правых, получает от него директивы, персонально от Рыкова и Бухарина. Основные цели национал-фашистской организации в Белоруссии Голодед коротко формулировал так: свержение советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами. Что же касается методов и средств, то сюда входили: вредительство, диверсия, террор.

Особенно Голодедом была подчеркнута необходимость установления, в целях осуществления этих задач, тесной связи с польским генеральным штабом.

В этом направлении мы и получали систематические директивы и инструктировались московским центром правых. Я это хочу подтвердить рядом фактов.

В ноябре 1932 г. в Москву ездили Голодед и Червяков. Они встречались с Рыковым и Бухариным, причем я должен сказать, что, насколько мне известно, Червяков был связан с Рыковым еще с 1928 года, а Голодед — с 1930 г. Помню, после поездки Голодеда и Червякова в 1932 г. в Москву, когда они возвратились, у нас было в Минске совещание центра нашей организации в полном составе, где они и информировали нас. Информация эта сводилась к тому, что и Рыков, и Бухарин подтверждали все свои прежние установки для нашей организации, выразив недовольство слабой деятельностью нашей организации. Там же в Москве был дан ряд конкретных установок, в первую очередь по вопросам вредительской, диверсионной деятельности и, во-вторых, относительно усиления и установления более тесной связи с польским генеральным штабом.

Вышинский. Расскажите конкретно о вашей преступной деятельности в области вредительства.

Шарангович. Мы ставили перед собой задачу наиболее широко развернуть вредительство во всех областях народного хозяйства.

Вышинский. В каких целях?

Шарангович. В целях подготовки поражения СССР и в целях создания недовольства населения в стране.

Вышинский. В целях провокационных?

Шарангович. Конечно.

Вышинский. В чем же выразилась конкретно ваша преступная деятельность?

Шарангович. Я занимался вредительством, главным образом, в области сельского хозяйства В 1932 году мы, и я лично, в этой области развернули большую вредительскую работу. Первое — по срыву темпов коллективизации.

Вышинский. Вы какую должность тогда занимали?

Шарангович. Я был вторым секретарем Центрального Комитета компартии Белоруссии.

Вышинский. Так что возможности у вас были большие?

Шарангович. Конечно. Я лично давал вредительские установки ряду работников.

Вышинский. Своим сообщникам?

Шарангович. Да, сообщникам. Мы организовывали выходы из колхозов. Затем мы запутывали посевные площади. Суть этого дела заключалась в том, что мы давали районам такие посевные площади, которые они не могли освоить; другим районам, имевшим большие площади для посева, наоборот, давали уменьшенные задания. Кроме того мы организовали срыв хлебозаготовок. В 1932 году это было проведено таким образом. Сначала наша национал-фашистская организация приняла все меры к тому, чтобы хлебозаготовки шли плохо. Т. е. срывали их, Потом, когда было вынесено специальное решение Центрального Комитета ВКП(б) о ходе хлебозаготовок в Белоруссии, то наша организация, боясь провала и возможного разоблачения, приняла срочные меры к тому, чтобы хлебозаготовки несколько подтянуть. Я должен также сказать, что в 1932 году была нами распространена чума среди свиней, в результате чего был большой падеж свиней.

Наряду с этим мы проводили организацию совхозов в республике за счет земель колхозников и единоличников.

Вышинский. С нарушением интересов колхозников и единоличников?

Шарангович. Конечно, да. Позднее несколько по линии сельского хозяйства было проведена нами вредительская работа в области наделения колхозников приусадебными участками.

Я должен особо остановиться на вопросе относительно единоличников, потому что это связано с планами нашей национал-фашистской организации. В Белоруссии к этому периоду еще насчитывалось около ста тысяч единоличников. Нами была дана такая установка, что раз единоличник не идет в колхоз, то он является врагом советской власти. Это было нами сделано в провокационных целях. К единоличникам, сопротивляющимся коллективизации, мы, исходя из своих провокационных установок, применяли такие налоговые мероприятия, которые создавали среди единоличников недовольство и повстанческие настроения.

Вышинский. Вы не припоминаете лепельского дела?

Шарангович. Я это все и связываю с лепельским делом. Лепельское дело, если можно так выразиться, было просто эпизодом в цепи нашей подрывной работы.

Вышинский. Значит, лепельское дело это был результат вашей нарочито преступной, провокационной деятельности?

Шарангович. Совершенно правильно. В лепельском деле вредительство выразилось в том, что там нажим на единоличников был особенно силен. Потом, когда ЦК ВКП(б) принял соответствующие меры для исправления того, что было нами проделано, то положение изменилось. Настроение у единоличников в той части, которая была спровоцирована, резко улучшилось.

Дальше, по сельскому хозяйству я хочу сказать относительно нашей диверсии в области коневодства. В 1936 году в Белоруссии была нами широко распространена анемия. Это проводилось нами с целью, так как конь в Белоруссии играет огромное оборонное значение. Мы стремились подорвать эту сильную базу в случае, если она понадобится в связи с войной.

Вследствие этой меры пало, насколько я помню сейчас, около 30 тысяч лошадей. Я должен сказать, что эту меру относительно лошадей мы провели не только по своей инициативе.

Вышинский. А еще по чьей?

Шарангович. Мы имели прямую установку из московского центра правых. Дальше, в области сельского хозяйства была нами проведена вредительская работа, следствием которой в пограничных районах экономические показатели были худшие, чем в тыловых районах.

Вышинский. А в области промышленности?

Шарангович. В области промышленности вредительство проводилось на таких об'ектах, как торф. Торф, как топливная база, для энергетики Белоруссии имеет очень большое значение, и поэтому подрыв той топливной базы вел к подрыву всех отраслей промышленности.

Энергетика. Здесь главным образом внимание концентрировалось в отношении БелГРЭСа, который снабжает промышленность Витебска, Орши, Могилева. Здесь топливо не подвозилось своевременно. Тормозилось строительство. Конкретно беру кричевский цементный завод, оршанский льнокомбинат, могилевский труболитейный завод...

Дальше, говоря о вредительстве, я должен остановиться на культурном фронте, потому что наша национал-фашистская организация придавала этому участку особое значение в условиях национальной республики. На этом участке работало значительное количество участников нашей национал-фашистской организации. Это вредительство проводилось в целях компрометации национальной политики партии и советской власти. Здесь вредительство шло и по линии школ, и по линии писательских организаций, и театра.

Вышинский. Значит, подытоживая вашу преступную вредительскую деятельность, можно сказать, что ни одна отрасль социалистического строительства не осталась вне вашей вредительской деятельности.

Шарангович. Совершенно правильно. Далее, мы приняли и проводили как практическую задачу — террор: мы создавали террористические группы, подготовляли террористические акты, в первую очередь подготавливали террористический акт в 1936 году против Ворошилова, когда он приезжал в Белоруссию на маневры. Тогда были нами созданы две террористические группы, но этот теракт нам не удалось совершить. Наряду с этим здесь, в Москве, нами была создана группа, которая находилась в связи с белорусской национал-фашистской организацией и существовала на случай необходимости проведения теракта в Москве.

Вышинский. Откуда вам известно, что такая группа в Москве была?

Шарангович. Мне известно об этом было от Голодеда и Волковича.

Вышинский. Подытожим кратко, в чем вы себя в целом признаете виновным по настоящему делу?

Шарангович. Во-первых, что я изменник родины.

Вышинский. Старый польский шпион.

Шарангович. Во-вторых, я заговорщик. В-третьих, я непосредственно проводил вредительство.

Вышинский. Нет. В-третьих, вы непосредственно один из главных руководителей национал-фашистской группы в Белоруссии и один из активных участников право-троцкистского антисоветского блока.

Шарангович. Правильно. Потом я лично проводил вредительство.

Вышинский. Диверсии.

Шарангович. Правильно.

Председательствующий Ульрих. Организатор террористических актов против руководителей партии и правительства.

Шарангович. Верно.

Председательствующий Ульрих. И все это совершал в целях...

Шарангович. И все это совершал в целях свержения советской власти, в целях победы фашизма, в целях поражения Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами.

Председательствующий Ульрих. Идя на расчленение СССР, отделение Белоруссии, превращение ее...

Шарангович. Превращение ее в капиталистическое государство под ярмом польских помещиков и капиталистов.

Председательствующий Ульрих. Вопросов у меня больше нет.

*) Сокращенная стенограмма.

Допрос подсудимого ХОДЖАЕВА*)

Вышинский. Скажите, подсудимый Ходжаев, в чем вы себя признаете виновным?

Ходжаев. Мои преступления против революции, против рабоче-крестьянского государства, против партии начинаются с 1920 г. В 1920 году я был поставлен во главе нового советского государства, — я говорю о Бухарской Народной Республике, — во главе высшей ее исполнительной власти. Вот в этот период моей работы я примкнул к буржуазно-националистической организации — «Милли иттихад».

*) Сокращенная стенограмма.

Вышинский. Что это значит?

Ходжаев. Это значит «Национальный союз», который ставил перед собою задачу превратить Бухарскую Народную Республику в буржуазно-демократическую республику как буферное государство между Англией и Советской Россией. Я вошел в эту буржуазно-националистическую организацию и, как активный руководитель этой буржуазно-националистической организации, участвовал, руководил ее контрреволюционной, антисоветской работой. Это первый этап.

В 1925 году я был назначен председателем Совнаркома Узбекистана. Начиная с 1928 года, я сблизился с националистическими кругами бывшей Туркестанской республики, а в последующее время, в Узбекистане, в лице одного из руководителей компартии Узбекистана, в лице Икрамова, я нашел себе союзника и вместе с ним мы составили то ядро, которое вело в Узбекистане националистическую антисоветскую работу.

Наконец, третий этап — 1930 год, когда я в один из своих приездов в Москву, после деловой встречи с Рыковым в Совнаркоме Союза, беседуя на различные темы, договорился с ним о нашей совместной антисоветской работе.

Вышинский. То-есть?

Ходжаев. То-есть о совместной работе узбекской националистической организации под руководством правых против руководства партии, против советского государства. Рыков тогда еще мне говорил о том, что в случае нашей совместной работы центр правых гарантирует независимость Узбекистана.

Вышинский. Что это значит—независимость Узбекской республики?

Ходжаев. В данном случае эту независимость от Советского Союза надо рассматривать, как зависимость от какой-то другой—капиталистической страны.

Вышинский. Вы так понимали Рыкова?

Ходжаев. Да, так и понимал.

Вышинский. А чем он мотивировал это?

Ходжаев. Мотивировка была одна—что и правые и мы, националисты, боролись против руководства партии, против советского правительства. Для того, чтобы правые достигли своих целей, для того, чтобы мы достигли своих целей, мы должны были сломать это руководство. В этих целях мы заключили союз. Значит, цель оставалась одна — свергнуть советское правительство, свергнуть руководство ЦК ВКП(б).

Вышинский. Ослабить СССР?

Ходжаев. Ослабить СССР, безусловно. В заговорщическую организацию бухарских националистов после революции 1920 года я пришел не случайно, а потому, что я был воспитан как националист.

Большинство буржуазно-националистической организации Бухары ориентировалось тогда на Англию. Разумеется, эти националистические круги и тогда совершенно ясно представляли себе, что независимость от Советской России, опора на Англию не могут обойтись так просто и не ради прекрасных глаз будет Англия оказывать содействие. Они и тогда считали возможным принять протекторат Англии и под этим протекторатом отделиться окончательно от Советской России. Вот в целях осуществления этой задачи мы тогда проводили целый ряд действий.

Мы систематически вытесняли из советского и партийного аппарата действительных членов партии, настоящих советских людей и занимали эти посты своими людьми. Свои кадры для этого мы формировали главным образом из буржуазной молодежи, обучали их не в советских школах, а посылали преимущественно за границу—в Германию, в Турцию.

Мы вместе с тем вели очень большую работу по организации вооруженных сил, так как мы не имели большого влияния в армии. Наши вооруженные силы мы формировали главным образом в виде милиции. Мы пытались использовать басмачество, которое к этому времени уже появляется в пределах Бухары. Мы пытались создавать новые кадры басмачества.

Дальше, когда в 1924-25 гг. был поставлен вопрос о национально-территориальном размежевании советских республик Средней Азии, я был против этого размежевания. Но быть открыто против размежевания означало ставить тогда себя открытым врагом, на что я не мог итти. Вот почему я под маркой сторонника национального размежевания оказался во главе Узбекского советского государства.

Вышинский. Значит, сманеврировали?

Ходжаев. Сманеврировал, двурушничал.

В узбекской парторганизации известна «группа 18-ти». Организатором этой группы был я. Когда проводилась земельная реформа в целях наделения землей бедняцких слоев населения Узбекистана, в этот период значительно оживилась кулацко-байская верхушка. Кроме того, часть ответственных работников Узбекистана была недовольна этой реформой. Я использовал это недовольство и начал формировать группу узбекских националистов.

Вышинский. Это какой год?

Ходжаев. Это, примерно, середина 1925 года. Мы рассчитывали в этом своем маневре тогда на одного из руководителей компартии Узбекистана Икрамова; рассчитывали, зная, что он в период 1918—20 гг., будучи еще молодым человеком, участвовал в буржуазно-националистических организациях Туркестана.

Вышинский. В каких организациях?

Ходжаев. Это была пантюркистская организация, которой руководил Рыскулов. Но мы оказались битыми на с'езде. После этого опять мы решили законспирироваться, подали заявление, что мы ошибались, неправильно поступали, что мы согласны проводить линию партии.

Вышинский. Второй раз сманеврировали?

Ходжаев. Второй раз сдвурушничал. Между 1925—1928 гг. у меня происходило сближение с Икрамовым на почве практической работы. Икрамов работал в ЦК, я—в Совнаркоме. Это сближение привело к тому, что я узнал, что у Икрамова есть своя националистическая группа, которая называется «Милли истиклял», что значит «Национальная независимость». Мы с ним не то что об'единились, но начали контактировать нашу работу.

Вышинский (Икрамову). Подсудимый Икрамов, вы были членом подпольной националистической организации в 1928 году?

Икрамов. Да.

Вышинский. Эта организация называлась «Милли истиклял»?

Икрамов. Да. Под нажимом Бухарина и под непосредственным руководством Антипова мы сконтактировали работу двух националистических организаций.

Ходжаев. Я перехожу к более существенной части моего показания, которая относится к периоду 1928 года, т. е. к периоду составления первой пятилетки. Я не знаю, известно ли суду, что у буржуазных националистов, особенно в Средней Азии, существовала такая теория—организовать замкнутое хозяйство, т. е. сделать так, чтобы хозяйство республики развивалось независимо от других частей Союза. И вот эту теорию мы претворили в жизнь, т. е. мы составили первую пятилетку, которая шла вразрез с директивами союзного правительства и соответствовала установкам националистов на замкнутое хозяйство. Мы планировали хозяйство таким образом, чтобы меньше иметь хлопка.

Этот план был расшифрован в Москве. По инициативе Сталина был поставлен вопрос о пересмотре хлопковой программы. И вот, для того, чтобы сломать эту новую директиву ЦК ВКП(б) и правительства, чтобы не дать хлопка, мы создали новый план, дутый, значительно преувеличенный. Мы стали проводить теорию монокультуры, т. е. теорию одной культуры в сельском хозяйстве, как доминирующей культуры—хлопок. Для этого надо было разбить, разгромить севооборот, уничтожить луга, т. е. клевер, корма, вытеснить на поливных землях не только пшеницу, ячмень, но и такую культуру, как рис. А это означало—вызвать колоссальное недовольство народа, потому что мы представили дело так: план—московский, мы якобы московские приказчики, мы осуществляем директивы Москвы—«недовольны? так, вот пожалуйтесь на Москву». Эту задачу мы поставили.

Мы планировали так, что, скажем, в Фергане—в основной хлопковой базе Советского Союза, в Бухаре—вторая в то время база, процент хлопководства доходил до 96—98%. Если у крестьянина 10 га земли, он должен на 8 га или на 9 га посеять хлопок. Сами понимаете, если один гектар остается на все остальное, то это хозяйство начинает гибнуть.

Это было сделано вполне сознательно нашей организацией, под моим руководством, под руководством Икрамова.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, что вы скажете по поводу этих об'яснений?

Икрамов. Я их полностью подтверждаю. Но я еще хочу дополнить. В этом деле нашими союзниками (договоренности не было, а было молчаливое согласие) были троцкисты.

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Ходжаев, продолжайте ваши показания.

Ходжаев. Перехожу к третьему этапу. Я уже говорил вначале, что, начиная с 1930 года, я связался с правыми в лице Рыкова.

Это было в 1930 году, на одном из приемов по официальным делам.

Мы условились насчет методов нашей работы. На первое время Рыков дал мне следующие установки: во-первых, вредительство, главным образом, в области сельского хозяйства. Второе—об'единить все возможные оппозиционные группировки и силы, какие найдутся, и направить эти силы против руководства ВКП(б), против правительства, активизируя вредительство, провокационные методы работы, антисоветскую деятельность.

В осуществление этой директивы Рыкова мы начали проводить это вредительство.

В 1933 году осенью приехал в Узбекистан Бухарин. Со слов Икрамова я знаю о беседах между Бухариным и Икрамовым и о тех директивах, какие оставлял Бухарин для нашей националистической организации.

В 1934 году в Узбекистан приехал Антипов. Антипов мне непосредственно дал директиву активизировать вредительство, диверсионную работу.

В 1936 году приехал в Ташкент Бухарин. Это было в августе 1936 года. Бухарин меня спросил, как мы осуществляем директивы правого центра. Я ему рассказал о широких планах вредительства. Но Бухарина эта моя информация не удовлетворила. Не удовлетворила не потому, что мы плохо проводили вредительство и антисоветскую провокационную работу, а потому, что, во-первых, отсутствовали повстанческие кадры, во-вторых, отсутствовали оформленные террористические группы и, в-третьих, что мы еще не были связаны с Англией. Эти три вещи вызвали недовольство Бухарина.

Бухарин говорил, что есть соглашение с фашистской Германией, есть намечающееся соглашение с Японией. Но, когда идет речь о средне-азиатских республиках, наиболее близкая мощная страна—это Англия. С нею надо договориться. Что мы, правые, со своей стороны, примем участие, но вы ближе стоите от границы, вы сами установите связь.

Вышинский. Близко от какой границы?

Ходжаев. С Афганистаном. Там есть английский представитель. Бухарин сказал, что, когда идет речь о помощи капиталистических стран, нам, правым, в захвате власти и вам—в деле вашей независимости, надо что-нибудь пообещать, что-нибудь дать.

Вышинский. Что дать? Что пообещать?

Ходжаев. Дать—это значит признать протекторат Англии, это как минимум. Я не говорю об экономических вещах, которые естественны. Не может Узбекистан с 5 миллионами населения сделаться независимым государством между двумя колоссами—с одной стороны Советским Союзом, с другой стороны—Англией. Нужно пристать к какому-нибудь берегу. Если от одного берега отходишь, к другому берегу пристаешь. Он говорил о стабилизации капитализма, о том что в этом деле сыграл огромную роль фашизм, особенно немецкий фашизм.

Вышинский. Хвалил фашизм?

Ходжаев. Я понимаю это, как восхваление фашизма. Он говорил, что фашистская Германия сейчас всеми силами работает над тем, чтобы сделать Германию гегемоном Европы, что методом для этого у Германии является фашизация всей Европы, что идет подготовка соответствующего соглашения с крупными азиатскими государствами, в частности с Японией, что возможно соглашение между фашистской Германией и Японией для борьбы с СССР. Отсюда он делал вывод, что задача заключается в активизации наших контрреволюционных сил. Икрамова тогда не было в Ташкенте. После приезда Икрамова я его информировал об этой беседе с Бухариным, и так как я уверил Бухарина и от своего имени и от имени Икрамова в том, что мы эти директивы осуществим, то мы и начали их осуществлять.

Теперь перейду к конкретной моей вредительской работе.

В сельском хозяйстве наша вредительская задача заключалась в том, чтобы запутать севообороты. Это мы осуществили в течение первой и второй пятилеток. Наша задача заключалась в том, чтобы запутать семенное дело. Эту задачу мы осуществили. Наша задача заключалась в том, чтобы вызвать недовольство крестьянского населения администрированием, перегибами. Затем нам удалось нанести значительный ущерб поголовью животноводства. Хочу привести один конкретный пример. За 1936 год, согласно решению партии и правительства, мы должны были передать колхозникам около 130.000 телок, овец и прочего поголовья. Мы передали это в течение года. Но итоги учета поголовья за второе полугодие 1936 года и первое полугодие 1937 года показали, что из этих 130.000 голов в наличии осталось лишь около 30—40 тысяч. Я имею в виду молодняк. Куда же делось остальное? Во-первых, часть этого поголовья вообще не попадала крестьянам. Наши люди, которые сидели в районах и в округах, сами себя наделяли этими телками и овцами, а потом резали их и продавали. Во-вторых, не была поставлена в колхозах работа по сохранению молодняка. В области шелководства мы осуществили следующую вредительскую меру: если в 1928 году мы имели около 7—8 тыс. тонн шелка-сырца, то сейчас имеется 10-12 тыс. тонн. Однако возможности Узбекистана по настоящим подсчетам составляют, примерно, 22-23 тыс. тонн. Этого можно было бы достигнуть, если бы не была осуществлена одна мера. Суду, конечно, известно, что в сельском хозяйстве проводится механизация, т. е. вводятся трактора, машины, а у нас земельные участки небольшие—обарыченные—проходят канальчики для полива участков. В Узбекистане нет такого арычка, который бы не был обсажен тутовым деревом, а это дерево является кормом для шелковичного червя. И вот мы под тем видом, что нельзя механизировать сельское хозяйство, нельзя пускать трактор там, где нет большого поля, что это не экономично, что это убыточно, под флагом механизации мы провели вырубку до 10% тутовых деревьев и тем самым уничтожили кормовую базу шелководства. Людей, которые говорили, что нельзя вырубать, мы били, заявляя: «Ты против механизации, ты против политики партии? Значит ты оппортунист, тебя надо бить».

Я уже не говорю о люцерне, которая сопутствует хлопку и является одной из главных культур в севообороте. Люцерна была вредительски почти полностью уничтожена. Она восстанавливается только в последние два года под непосредственным нажимом ЦК ВКП(б). В последнее время мы каждую неделю получали телеграммы за подписью Сталина—«Почему люцерна отстает? Почему не сеете?». Только под этим нажимом мы начали исправлять положение с люцерной.

Я не говорю также о целом ряде других вредительских действий в области сельского хозяйства.

Я забыл сказать о двух диверсионных актах, которые были проделаны в области ирригации. Первый акт—это в отношении Раватходжа, плотины, построенной советской властью, огромного вододелителя, делящего воду реки Зеравшан. В начале 1936 года членом нашей организации Халбатыровым подготовлялся диверсионный акт по уничтожению, по порче этой плотины. Ему это дело не удалось, так как его и его помощников органы НКВД во-время арестовали.

Другой такой же акт подготовлялся в Фергане, тоже на большом вододелителе, который командует полями почти половины всей Ферганы. Этот акт тоже не удалось полностью осуществить, хотя частично он был осуществлен Рахмановым, начальником узбекского водхоза, который также являлся членом нашей организации.

Что касается промышленности, мне известно о вредительстве на Чирчикстрое. Начальником этого строительства был Розит. Он — правый по своему прошлому и настоящему. Мне, как и Икрамову и другим членам нашей организации, известно, что Розит проводил там вредительство.

Второе — это Кувасайская Грэс — крупная электростанция, которая строится в Ферганской долине на 48—50 тысяч киловатт и которая должна дать электроэнергию всей, или почти всей ферганской промышленности. Тянулось это строительство очень долго. И это не случайно.

Ряд таких вредительских актов производился в Бухаре, в Самарканде и в ряде других мест.

Вышинский. Затем серные рудники?

Ходжаев. Серный рудник выбыл из строя не сам по себе, не благодаря пожару, а потому, что Невский — старый троцкист, который был послан Пятаковым,—организовал пожар и взрыв на руднике. Невского надо было немедленно арестовать. Вместо этого мы занимались перепиской с Москвой, надеясь, что его кто-либо возьмет под защиту. Все же Невский в конце концов был арестован.

Что касается выполнения других директив — об организации повстанческих групп в Узбекистане, — мы боялись непосредственно сами взяться за организацию этого дела, потому что это дело могли бы разнюхать сразу. Поэтому после совещания с Икрамовым мы совместно в устном виде дали указания нашим людям из состава секретарей райкомов и председателей исполкомов, чтобы они проводили подготовку к организации ядра, через которое можно было бы уже перейти к массовой организации повстанчества.

Другая директива заключалась в том, чтобы из амнистированных

(Окончание на 3 стр.).

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Допрос подсудимого ХОДЖАЕВА

ОКОНЧАНИЕ

рядовых басмачей, сдавшихся еще в 1922—23 году, была бы подготовлена в кишлаках и селах соответствующая группа. Таковы были директивы. На местах эта работа проводилась, т. е. люди вовлекались, группы создавались. Что касается террористических групп, то об этом деле я никому не говорил, кроме двух лиц. Я сам знаю, знал Икрамов и знал некий Шермухамедов, которому я, посовещавшись с Икрамовым, поручил организацию этих террористических групп.

И, наконец, последний пункт — это насчет связи с Англией. Мне самому непосредственно устанавливать связь с Англией было невозможно. Надо было искать для этой связи какие-то средства. Я мог поискать людей в Таджикистане.

Вышинский. Через басмачей?

Ходжаев. Через курбаши, то-есть начальников басмачей. Курбаши, если он настоящий начальник басмачей, не может быть не связанным с англичанами, потому что басмачество было организовано с участием англичан.

Вышинский. Скажите, вы к каким общественным слоям принадлежите по своему происхождению?

Ходжаев. Я из купеческой семьи.

Вышинский. Кто был отец?

Ходжаев. Торговец.

Вышинский. Крупный, мелкий?

Ходжаев. Крупный. Торговал каракулем, умер в 1912 году.

Вышинский. У вас были связи с буржуазными кругами по вашему прошлому социальному положению?

Ходжаев. Да.

Вышинский. Когда впоследствии вы возглавляли вредительскую организацию в Узбекистане, вам приходилось заниматься вредительством в области каракулеводства?

Ходжаев. Да.

Вышинский. К какой организации вы принадлежали до революции?

Ходжаев. Организация, к которой я принадлежал, это — партия бухарских либералов, конституционно-монархическая партия.

Вышинский. Кадетская?.

Ходжаев. Да. В 1917 году я отошел от этой партии и был в числе организаторов другой партии — младо-бухарской партии, программу которой мы напечатали в 1917 году. Мы ставили перед собой задачу буржуазно-националистического развития Бухары. К этой партии я принадлежал.

Вышинский. Потом опять примкнули к националистам?

Ходжаев. Потом, когда я оказался во главе власти, я примкнул опять к националистам.

Вышинский. И с тех пор вели эту линию?

Ходжаев. И с тех пор эту я линию вел.

Вышинский. И вам помогал Бухарин?

Ходжаев. Я об этом и говорю.

Вышинский. Что вам известно об убийстве Абид Саидова?

Ходжаев. Я слыхал об этом деле в 1931 году.

Вышинский. Убит он был за что?

Ходжаев. Он был убит своим братом по постановлению националистической организации «Милли истиклял»...

Вышинский. В которой кто участвовал?

Ходжаев. В которой участвовал Икрамов.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, был такой факт — убийство Абид Саидова?

Икрамов. Был такой факт.

Вышинский. За что был убит Абид Саидов?

Икрамов. За то, что разоблачал буржуазных националистов.

Вышинский. Был ли Бату в числе убийц Абид Саидова?

Икрамов. Он—участник убийства.

Вышинский. Это тот Бату, который с Рамзи являлся вашим человеком?

Икрамов. Да.

Вышинский. Значит, Абид Саидова убил Бату—ваш человек?

Икрамов. Да.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 4 МАРТА

Допрос подсудимого РОЗЕНГОЛЬЦА*)

Вышинский. Подсудимый Розенгольц, расскажите кратко о вашей преступной деятельности.

Розенгольц. Я, как известно, был участником троцкистской профсоюзной оппозиции во время профсоюзной дискуссии в 1920—21 гг., затем в 1923 году я подписал так называемую платформу «46».

В 1929 году Крестинский привез мне директиву Троцкого о том, чтобы Крестинский и я законспирировались и по возможности заняли бы ответственное положение, заняли бы выжидательную позицию до того момента, когда соответствующие силы в стране, по мнению Троцкого, могли бы одержать верх, и мы могли бы принять участие в организации новой власти.

Вышинский. Значит, в 1929 году Крестинский привез вам директиву от Троцкого?

Розенгольц. Да. Далее, в 1933 году Крестинским было получено письмо из-за границы. В 1933 году я был за границей и в Фельдене в Австрии имел встречу с Седовым. Затем я виделся с Седовым в 1934 году в Карлсбаде.

Вышинский. Содержание ваших разговоров?

Розенгольц. Седов передал следующие директивы Троцкого: рекомендовалось связываться с правыми и работу вести в контакте с ними.

Вышинский. С кем конкретно?

Розенгольц. Крестинский сообщал, что он имел указания в отношении Рыкова и Рудзутака. Затем Седов много говорил о необходимости максимальной, возможно более тесной связи с Тухачевским, поскольку, по мнению Троцкого, Тухачевский и военная группа должны были быть решающей силой в контрреволюционном выступлении. В разговорах выявилось также имеющееся у Троцкого опасение в отношении бонапартистских тенденций Тухачевского. Поэтому Троцкий предлагал во время переворота повсюду ставить своих людей.

Во исполнение этой директивы Крестинский был связан с Тухачевским. В течение всего этого периода времени, с 1933 по 1937 г.г., у меня связь была с Рыковым и с Рудзутаком.

Наиболее существенный момент в этих переговорах с Седовым — это вопрос относительно наметки состава правительства. Седов также передал директивы Троцкого по организации террора. В 1933 же году были директивы и указания в отношении вредительства в области внешней торговли. Поскольку Седов сообщил об имеющемся у Троцкого соглашении с соответствующими германскими кругами, вопрос вредительства имел с этой точки зрения очень существенное значение для Троцкого, для поддержания и его авторитета, и поддержания соглашения. Основные линии вредительства шли в направлении возможной помощи в области внешней торговли интересам Германии и Японии. Затем был поставлен вопрос, и он несколько раз и очень настойчиво ставился со стороны Троцкого и Седова, вопрос о финансировании через каналы внешней торговли троцкистского движения.

Вышинский. Как тогда ставился вопрос о войне?

Розенгольц. В отношении войны линия у Троцкого была на поражение.

Вышинский. Предполагалось, что будет война? Когда?

Розенгольц. В 1935 и 1936 г.г.

Вышинский. Значит, тогда Троцкий предполагал, что война должна возникнуть в 1935, 1936 г.г. и в этой связи...

Розенгольц. Стоял вопрос о перевороте. Причем здесь произошло изменение в установках, потому что сначала шел вопрос о желательности и необходимости осуществления военного переворота применительно к срокам возможного начала войны. А потом ввиду выяснившейся оттяжки войны стал вопрос о том, что желательно ускорить переворот, не дожидаясь военных событий. Это было уже в 1937 г.

Вышинский. Как вы реагировали на арест Пятакова в этом плане?

Розенгольц. Уже после суда над Пятаковым пришло письмо от Троцкого, в котором ставился вопрос о необходимости максимального форсирования военного переворота Тухачевским. В связи с этим было совещание у меня на квартире.

Вышинский. А что это за письмо было, нельзя ли подробнее узнать?

Розенгольц. Там Троцким ставилось несколько вопросов. Прежде всего указывалось, что если будут медлить, то произойдет то, что по частям будут разгромлены все контрреволюционные силы. Поэтому, поскольку уже значительный разгром кадров произведен, необходим ряд возможных акций максимально ускорить.

Вышинский. Например?

Розенгольц. В ответ на приговор суда о расстреле Пятакова ставился вопрос об организации террористических актов в отношении руководителей партии и правительства и вопрос в отношении максимального форсирования военного переворота.

Вышинский. Не припоминаете ли вы, что в этом письме Троцкий давал оценку поведения на суде Пятакова, сознавшегося в своих преступлениях?

Розенгольц. Я точно не припоминаю этого момента.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, вы не припоминаете, что Троцкий писал в этом письме?

Крестинский. В этом письме было негодование Троцкого по поводу поведения Пятакова. Было предложение о том, чтобы в дальнейшем, если такой случай будет, — так себя не вести.

Вышинский. А как себя вести?

Крестинский. Не признавать свою вину.

Вышинский. Может быть ваше поведение на суде два дня тому назад тоже было продиктовано вот этой директивой?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Но эту директиву Троцкого вы помнили?

Крестинский. Помнил.

Вышинский. Подсудимый Розенгольц, продолжайте.

Розенгольц. Момент, на котором я остановился, это совещание, которое было с Тухачевским.

Вышинский. Где было это совещание?

Розенгольц. У меня на квартире.

Вышинский. У вас было на квартире совещание, с кем?

Розенгольц. С Тухачевским и с Крестинским. Это было в конце марта 1937 г. На этом совещании Тухачевский сообщил, что он твердо рассчитывает на возможность переворота, и указывал срок, полагая, что до 15-го мая, в первой половине мая ему удастся этот военный переворот осуществить.

Вышинский. В чем заключался план этого контрреволюционного выступления?

Розенгольц. Тут у Тухачевского был ряд вариантов. Один из вариантов, на который он наиболее сильно рассчитывал, это возможность для группы военных его сторонников собраться у него на квартире, под каким-нибудь предлогом проникнуть в Кремль, захватить Кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей партии и правительства.

Вышинский (к Крестинскому). Вы подтверждаете это?

Крестинский. Да, подтверждаю. Совещание это было у Розенгольца.

Розенгольц. Мы с Крестинским обсуждали вопрос о возможном террористическом акте в отношении Председателя Совнаркома Молотова.

Вышинский. Продолжайте.

Розенгольц. Преступно была использована внешняя торговля в отношении расхищения средств для финансирования троцкистского движения. Назову два наиболее крупных примера. Первое — это операции, которые осуществлял Краевский в размере до 300 тысяч долларов, которые были переданы троцкистской организации или Троцкому непосредственно.

Осуществлялось это через соответствующие фирмы путем использования Седова в качестве комиссионера. Затем это финансирование было организовано также мною лично, когда я вошел в соглашение с одним официальным лицом в Москве при заключении договора.

Вышинский. С каким официальным лицом?

Розенгольц. С представителем одного из государств.

Вышинский. Одного из иностранных государств?

Розенгольц. Да. Относительно соглашения, по которому, примерно, около 110 тыс. долларов ежегодно в течение трех лет должен был получать Троцкий.

Вышинский. Так что финансирование Троцкого было вами налажено регулярно и как следует?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Это более крупное, а по мелочам? Например, в 1933 г. было передано в распоряжение Троцкого 2 тысячи фунтов стерлингов?

Розенгольц. Это помимо меня, но с моего ведома, конечно.

Вышинский. Это по линии внешней торговли, а вы были тогда...

Розенгольц. Я был наркомом внешней торговли и с моей санкции и с ведома...

Вышинский. Значит вами. Значит 2 тыс. фунтов стерлингов передано. Это тоже крупная сумма, но перед 110 тысячами долларов — это мелочь. А в 1934 году 15 тыс. фунтов стерлингов тоже было передано Троцкому?

Розенгольц. Да, 15 тыс. фунтов, потом еще один раз 10 тыс. фунтов.

Вышинский. 15 тыс. потом 10 тыс., потом 2 тыс., набирается уже 27 тыс. фунтов стерлингов.

Розенгольц. И еще 20 тыс. марок.

Вышинский. Значит, деньги все-таки приличные. К этому еще добавить 300 тыс. долларов. За какой срок?

Розенгольц. Это с 1933 года. По экспортлесу 300 тыс.

Вышинский. По экспортлесу — это особо. Дальше еще, что вы имеете показать?

Розенгольц. Теперь я хотел отметить еще, что в более ранние годы — в 1923 году, в связи с имевшимся у меня деловым контактом...

Вышинский. С кем?

Розенгольц. С немецкими военными кругами, Троцкий предложил передать Секту сведения о советских военно-воздушных силах.

Вышинский. И вы передали?

Розенгольц. Да, я эти сведения передал.

Вышинский. Кроме денег Троцкому, вы еще передали шпионские сведения Секту?

Розенгольц. Да, да, это было в 1923 году.

Вышинский. И позже, потом?

Розенгольц. Начиная с 1931 года передавались сведения о заказах по внешней торговле.

Вышинский. Секретные, государственные?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Вам неизвестно, еще кто-либо другой передавал ли аналогичные сведения Секту в то время?

Розенгольц. Я знал, что у Крестинского была какая-то нелегальная связь с рейхсвером.

Вышинский. Значит, вы, подсудимый Розенгольц, с 1923 года начали передавать шпионские сведения иностранным государствам?

Розенгольц. Правильно.

Вышинский. Продолжайте дальше.

Розенгольц. Теперь относительно вредительства. Я хочу отметить, что это вредительство ставило задачей помощь Германии главным образом и частично Японии.

Из наиболее крупных актов этого вредительства, которое, понятно, является одновременно и изменнической деятельностью, я назову заключение нефтяного договора с Германией. Назову факт экспорта золотоотходов в Германию, в то время, как рациональнее было бы их перерабатывать в Советском Союзе. Далее, экспорт цинковых концентратов, авансовый экспорт, затем экспорт чугуна в Японию по удешевленным ценам и в значительном количестве в тот период, когда на рынке была острая нужда в чугуне. Выдача фрахтовых ордеров с задержкой, что вызвало переплату, заключение ряда невыгодных условий в договорах, в частности формулировку пункта о форсмажоре. Также задержка экспорта в Монголию, Западный Китай.

Особенно нужно отметить вредительство, вытекающее из задачи на поражение, — это задержка оборонного импорта.

Вот собственно все основное.

*) Сокращенная стенограмма.

Второй допрос подсудимого КРЕСТИНСКОГО*)

Председатель. Подсудимый Крестинский, расскажите вкратце о вашей контрреволюционной деятельности, не останавливаясь на тех моментах, которые уже освещены.

Крестинский. Я начал мою нелегальную троцкистскую деятельность в конце 1921 года, когда по предложению Троцкого я дал свое согласие на создание нелегальной троцкистской организации и на включение меня в состав ее центра, предусмотренного в составе: Троцкого, Пятакова, Серебрякова, Преображенского и меня, Крестинского. Это предложение Троцкий сделал мне сейчас же после X с'езда. Годом позднее я совершил преступление — это именно то, о чем я рассказал во время допроса подсудимого Розенгольца, — мое соглашение по поручению Троцкого с генералом Сектом, с рейхсвером в его лице, о финансировании троцкистской организации в обмен за те услуги шпионско-разведывательного характера, которые мы при этом брались оказывать рейхсверу. С 1923 года соглашение с Сектом приводилось в исполнение, главным образом в Москве, иногда в Берлине. В 1926 году рейхсвер поставил вопрос об отказе от этого соглашения. Я думаю, что это был тактический шаг для того, чтобы поставить нам повышенные требования...

Вышинский. Кому «нам»?

Крестинский. Троцкистам. Мы в это время уже привыкли к поступлению регулярных сумм, твердой валюты...

Вышинский. Привыкли к получению денег от иностранных разведок?

Крестинский. Да, эти деньги шли на развивавшуюся за границей, в разных странах, троцкистскую работу, на издательство и прочее...

В 1926 году, в разгар борьбы троцкистских групп за границей с партийным руководством как в Москве, так и в братских партиях, отказ от этих денег мог бы подрезать борьбу троцкистов. И поэтому, когда Сект предупредил, что он предполагает прекратить это субсидирование, я, естественно, поставил вопрос, на каких условиях он согласился бы продолжить соглашение.

Тогда он выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась ему не систематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер, и кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что, в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны, эта троцкистская власть учтет справедливые требования германской буржуазии, т. е., главным образом, требования получения концессий и заключения другого рода договоров. После запроса Троцкого и получения от него согласия я дал генералу Секту положительный ответ, и наша информация начала носить систематический характер. В устном порядке были даны обещания насчет будущего послевоенного соглашения.

Вышинский. Не скажете ли вы, сколько было всего получено денег?

Крестинский. Начиная с 1923 года до 1930 года мы получали каждый год по 250 тыс. германских марок золотой валютой.

Вышинский. Это составит примерно 2 миллиона золотых марок за эти годы?

Крестинский. Да, примерно 2 миллиона золотых марок. В октябре 1928 года я получил от Троцкого, который в то время был в ссылке, из Алма-Аты письмо. В этом письме содержалось указание Троцкого о получении немецких денег, которые он предлагал передать или Маслову или французским друзьям Троцкого, т. е. Росмеру, Мадлене Паз и другим.

Я обратился к генералу Секту. Он был к этому времени уже в отставке и не занимал никаких постов. Он вызвался переговорить с Гаммерштейном и получить деньги. Деньги он получил.

Вышинский. А кто такой Гаммерштейн?

Крестинский. Гаммерштейн был в тот период начальником штаба рейхсвера, а с 1930 года стал командующим рейхсвером. При нашем свидании он завел со мной, не говоря о нашей обязанности сообщать шпионские сведения, политическую беседу на международные темы с тем, чтобы получить от меня некоторую информацию. Небольшую информацию секретного характера я ему дал.

Вышинский. Деньги он уплатил?

Крестинский. Да, деньги он дал.

Вышинский. Он знал, за что дает?

Крестинский. Знал.

Вышинский. Контакт с Сектом у вашей троцкистской организации имел место даже до 1921 года?

Крестинский. Там был контакт с ним, о котором я не хочу говорить в открытом заседании.

Вышинский. Кое-что можно сказать сейчас. Во-первых, кто такой был Копп?

Крестинский. Копп был вообще старый меньшевик. Он был близким человеком к Троцкому.

Вышинский. В июле 1920 года по вопросу, о котором вы, очевидно, не думаете здесь говорить, а скажете в закрытом заседании, этот самый Копп наладил контакт с Сектом?

Крестинский. Да. Сект обратился к Коппу.

Вышинский. Я делаю из этого вывод, что не только в 1921 и 1922 году, но еще в 1920 году Троцкий через Коппа прощупывал и нашел дорогу к Секту.

Крестинский. Подробностей этого я не знаю, тогда были официальные встречи.

Вышинский. Позвольте огласить следующее место в томе III 13-й оборот: «Во время этих разговоров стал вопрос о денежных средствах для конспиративной троцкистской работы... Этот вопрос о денежных средствах поднял Троцкий»...

Крестинский. Верно.

Вышинский. .... «У которого были какие-то затруднения в использовании для конспиративных троцкистских целей аппаратных средств. Тогда Копп предложил сделать попытку получить необходимые денежные средства от германского рейхсвера... Контакт между Копп и генералом Сект был уже таким образом установлен»...

Это показание обвиняемого Крестинского от 9-го июня 1937 года.

Обвиняемый Крестинский, вы это подтверждаете?

Крестинский. Да, да.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, продолжайте.

Крестинский. В 1929 году осенью когда я находился в отпуску на юге Германии, в Кисингене, ко мне по телефону позвонил из Берлина Якубович и сообщил, что сын Троцкого хочет меня повидать по поручению отца. Я предложил ему приехать в Кисинген. На другой день или через день приехал Седов и Якубович.

Информация Седова заключалась в том, что Троцкий советует высланным и исключенным троцкистам подавать заявления о том, что они отказываются от оппозиционной борьбы и о принятии их обратно в партию. В частности он сообщил, что с Пятаковым и Радеком я могу откровенно разговаривать, хотя Пятаков подал заявление об отходе от троцкизма в 1928 году, а Радек, кажется, в 1929 году, и указал, что они остаются сторонниками троцкизма.

Далее он сказал, что необходимо отказаться от работы в массах, нужно заботиться о том, чтобы сохранить организационный костяк, чтобы эти люди проникали в партийные и советские организации и старались занять там более или менее самостоятельные, ответственные посты, чтобы велась работа в строго законспирированном виде по привлечению новых сторонников из числа надежных людей в единичном порядке для увеличения и укрепления кадрового костяка. Я должен был продолжать отношения с рейхсвером по получению денег и по передаче информации, и я должен был наладить связь между Троцким и его уполномоченными в Европе и троцкистами в Советском Союзе.

Связь с Троцким была установлена следующим образом. В Берлине, еще год приблизительно после моего от'езда, оставался Якубович, и мы договорились с ним, что он будет получать от меня в дипломатической почте письма, если нужно будет для переотправки Троцкому, а он во время свидания с Седовым договорился о тех парижских адресах, по которым он будет пересылать эти письма.

Кроме того, у меня установилась в то время связь с другим работником полпредства—Штерном, который питал троцкистские симпатии. Я договорился, с ним, что если Якубович будет уезжать из Берлина, то я прошу Штерна от Якубовича эти мои поручения и задания перенять, что и было сделано.

Кроме того Радек обратился ко мне, а я через некоторых моих наркоминдельских работников отдела печати наладил снабжение некоторых иностранных корреспондентов секретной информацией.

Вышинский. Расскажите, как была организована ваша встреча с Троцким в Меране.

Крестинский. Я был проездом несколько дней в Берлине. В Берлине сидел советником наш троцкистский человек Бессонов, у которого связь с Троцким должна была быть, ибо, когда он в мае 1933 года уезжал в Берлин, я говорил, чтобы он эту связь установил.

Я еще был в Кисингене, когда мне позвонил Бессонов по телефону и сообщил, что встреча состоится в Меране. Троцкий приехал в Меран около 10 октября вместе с Седовым.

Приехал Троцкий, как он мне говорил, под чужим французским паспортом, и приехал тем маршрутом, о котором говорил Бессонов, т. е. через франко-итальянскую границу, а не через Швейцарию и Германию. Для Троцкого вопросы, о которых мы думали в Москве, были бесповоротно решены, и он сам перешел к изложению своих указаний по этому поводу.

Он сказал, что поскольку мы с 1929 года перешли к организации заговорщического типа, постольку, естественно, захват власти может быть осуществлен только силой. Но наша заговорщическая организация никакого переворота сама произвести не может. Необходимо по этому поводу прямое соглашение с какой-нибудь буржуазной страной. Он отметил, что зачаточным соглашением такого рода является наше соглашение с рейхсвером. Но это соглашение ни в какой мере не удовлетворяет ни троцкистов, ни немецкую сторону по двум причинам. Во-первых, нашим контр-агентом в этом деле является только рейхсвер, а не германское правительство в целом.

Второе. В чем сущность соглашения с рейхсвером? Мы получаем небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территорией Советского Союза. А нам нужны не 250 тыс. золотых марок, нам нужны германские вооруженные силы для того, чтобы при их помощи притти к власти, и в этом направлении нужно вести работу. Эта работа есть изменническое соглашение с иностранным правительством об использовании вооруженных иностранных сил для победы над Красной Армией и для открытия пути к власти троцкистам.

Но ведь, если даже произойдет нападение, скажем, Германии на Советский Союз, это еще не дает возможности захватить аппарат власти, если у нас не будут в этом направлении подготовлены известные внутренние силы. А троцкисты, как таковые, недостаточно многочисленны и сильны, чтобы такую организацию одним создать. Необходимо иметь оплот и в городе и в деревне у мелкой буржуазии и кулаков, а там связь имеют, главным образом, правые. Необходимо иметь, наконец, опору, организацию в Красной Армии, среди командиров, чтобы соединенными усилиями в нужный момент захватить важнейшие пункты, притти к власти.

Из этого вытекало: первая установка была на соглашение с иностранными правительствами, вторая—на создание в Советском Союзе об'единенных сил троцкистов, правых и военных заговорщиков.

Говоря о правых, о необходимости организационно связаться с ними, Троцкий говорил, что не надо ограничиваться Рыковым, Бухариным и Томским, так как хотя они и признанные вожди правых, но они в достаточной степени уже скомпрометированы и что надо использовать для связи Рудзутака, который в течение многих лет сидел в советском правительстве и никогда никому не было известно о каких-либо его разногласиях с партией и поэтому надо на него обратить внимание и связаться с ним.

Что касается военных, то, говоря о них, Троцкий назвал только одно имя—имя Тухачевского, как человека бонапартистского типа, авантюриста, честолюбца, стремящегося играть не только военную, но и военно-политическую роль, который несомненно с нами пойдет.

Дальше Троцкий развил мысль о необходимости террора, вредительства и диверсий, причем диверсионные акты и террористические акты он рассматривал под углом зрения и применения их во время войны и для дезорганизации обороны Красной Армии, для дезорганизации правительства к моменту переворота. И в то же время эти диверсионные и террористические акты давали бы ему, Троцкому, большую устойчивость и уверенность в переговорах с иностранными правительствами, ибо он мог бы ссылаться на то, что его сторонники в Советском Союзе и достаточно сильны, и достаточно активны.

Он брал на себя переговоры с немцами. Что касается японцев, о которых он говорил, как о силе, с которой надо тоже договориться, то он говорил, что ему непосредственно пока с ними связаться трудно, что надо будет говорить с ними в Москве, что для этого надо использовать Сокольникова, который работает в Наркоминделе и как раз занимается восточными делами. Он просил меня об этих всех установках, и в частности о необходимости снестись с японцами, передать Пятакову. Кроме того, он просил меня, чтобы, не ограничиваясь разговором Пятакова с Тухачевским и Рудзутаком, я тоже с ними повидался, потому что я имею возможность рассказать о непосредственном разговоре с Троцким, о непосредственном впечатлении, а это может в этом смысле оказать несколько большее влияние. Этим я заканчиваю мое свидание с Троцким в Меране.

Я должен изложить последствия своих действий по возвращению из-за границы. Возвратившись, я сразу информировал о своих разговорах Пятакова и Розенгольца. Пятаков переговорил с Тухачевским и Рудзутаком.

В феврале 1934 г. я виделся и с Тухачевским и Рудзутаком, передал содержание разговора. Получил от обоих принципиальное подтверждение, признание линии на соглашение с иностранными государствами, на их военную помощь, на пораженческую установку, на создание внутренней об'единенной организации. Они заявили далее, что вопрос у них не в принципе, а в необходимости выяснить свои силы. После этого будет дан окончательный ответ Пятакову, как главному представителю троцкистской организации в СССР.

Еще до получения мною сообщения от Пятакова, что дело уже завершено и соглашение заключено, я уже тоже начал у себя в наркомате подбирать силы и намечать, на кого я могу опираться в случае контрреволюционного выступления.

В начале 1935 года Пятаков сообщил, что договоренность есть, назвал состав центра, который я уже приводил вчера, и сообщил, что я и Розенгольц будем, не входя в состав центра, работать под его руководством, главным образом, по намечению и подготовке будущего правительственного аппарата. Это было разделение труда. Нам было указано, что по этому делу мы будем связаны с Рудзутаком от правых и Тухачевским.

Теперь относительно намечения сроков выступления. С самого момента моего свидания в Меране считалось непререкаемо установленным, что выступление приурочивается к началу войны и что поэтому мы самостоятельно здесь, в Союзе, сроков выступления Тухачевского устанавливать не можем. Этот вопрос выходил за пределы компетенции моей и Розенгольца: мы были связаны с Тухачевским, Рудзутаком и Рыковым, но по вопросам высокой политики и о сроках выступления велись разговоры Пятаковым. Мы ждали начала войны, ждали нападения. Когда после ареста Пятакова и Радека Бессонов уезжал в Берлин, я, пользуясь его от'ездом, послал устную информацию Троцкому о том, что я, по согласовании с Розенгольцем и Рудзутаком формулирую положение так: мы считаем, что арестовано довольно много троцкистов, но тем не менее основные силы этого антисоветского

(Окончание на 4 стр.)

*) Сокращенная стенограмма.

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Второй допрос подсудимого КРЕСТИНСКОГО

ОКОНЧАНИЕ

соглашения — троцкисты, правые и военные заговорщики — еще не затронуты, не разгромлены, что выступление может состоятся и что для этого нужно центру ускорить внешние иностранные выступления. Это было в октябре 1936 года. Но в конце ноября 1936 года на Чрезвычайном VIII С'езде Советов Тухачевский имел со мной взволнованный серьезный разговор. Он сказал: начались провалы. Очевидно пойдет дальнейший разгром троцкистов и правых. Он делал выводы: ждать интервенции не приходится, надо действовать самим. Тухачевский говорил не только от своего имени, но и от имени контрреволюционной организации военных. Я поговорил с Розенгольцем, затем поговорил и с Рудзутаком и пришли к выводу, что Тухачевский прав, что дело не терпит; решили запросить Троцкого. С дипломатической почтой я переслал письмо Троцкому через Бессонова. В письме речь шла о перемене установки на непременную связь между нашим внутренним выступлением и войной. Я говорил о необходимости ускорить выступление. Для меня было ясно, что придется при такого рода выступлении скрыть от советского народа истинные цели переворота. Мы шли на восстановление капиталистических отношений в СССР и территориальные уступки буржуазным государствам, с которыми об этом уже договорились. Заявить об этом открыто советскому народу мы не смели. Я поставил перед Троцким вопрос о том, что мы выпустим соответствующие обращения к населению и армии, в которых обойдем все вопросы, связанные с истинными целями переворота. Это письмо Бессонов переправил Троцкому. Троцкий ответил, что он согласен.

Вышинский. Когда получили ответ?

Крестинский. Ответ этот, вероятно, был получен в конце декабря или в начале января. Оказалось, что Троцкий, по своей инициативе, поставил вопрос об ускорении выступления и послал это указание в письме на имя Розенгольца — иным, окольным путем. И вот, после получения этого ответа и началась более непосредственная подготовка выступления.

Примерно к началу февраля относится и оформление вступления в центр Розенгольца и меня. В ноябре Розенгольцу, мне и Гамарнику пришлось взять на себя руководство троцкистской организацией. Пятакова уже не было, Радека тоже. Нам пришлось вести разговоры с Тухачевским и Рудзутаком, нам пришлось переписываться непосредственно с Троцким. Затем у нас состоялось совещание на квартире Розенгольца. На этом совещании был намечен срок выступления — вторая половина мая. Но в самом начале мая выяснилось, что Тухачевский не едет в Лондон. К этому времени вернулся из Средней Азии Рудзутак. После возвращения Рудзутака и после выяснения того, что Тухачевский в Лондон не едет, он заявил, что может произвести это выступление в первой половине мая.

С 1935 года у меня была связь с тремя ответственными работниками московской партийной организации, которые были скрытыми троцкистами, Постоловским, Фурером и Корытным.

Я связался с ними, сказал, что близится выступление, и необходимо поэтому, чтобы они наметили списки людей в Москве, которых нужно будет арестовать и снять с постов в момент выступления, и списки людей, которых можно будет назначить на эти освободившиеся места. Было условлено, что примерно 12 мая соответствующие списки я могу получить. Но в первых числах мая начался разгром контрреволюционной организации. Стало ясно, что выступление становится невозможным. Через несколько дней после этого я был арестован.

Во время свидания с Тухачевским последний настаивал на том, чтобы до контрреволюционного выступления были совершены некоторые террористические акты. Поскольку Тухачевский настаивал на террористических актах,— мы дали свое согласие, заявив ему, что террористы исполнители будут ему даны. Гамарник сказал нам, что у него тоже намечены кадровики — исполнители террористических актов.

Вышинский. После всех ваших колебаний и противоречивых заявлений, которые были здесь на суде сделаны, вы теперь признаете себя виновным в пред'явленных вам обвинениях?

Крестинский. Да, признаю.

ДНЕВНИК ВЕЧЕРНЕГО ЗАСЕДАНИЯ 4 МАРТА

На вечернем заседании суд перешел к допросу подсудимого Розенгольца. Осветив свою троцкистскую работу с 1920—21 гг., Розенгольц сообщил, что связь его с Троцким возобновилась с помощью Крестинского в 1929 году. В 1933—1934 гг. он дважды встречался за границей, в Австрии и в Карлсбаде, с Седовым, который передал ему директиву об установлении связи с правыми и с группой Тухачевского. Во исполнение этой директивы, говорит Розенгольц, Крестинский и осуществлял систематическую связь с Тухачевским. Сам же Розенгольц был связан с Рыковым и Рудзутаком.

Рядом вопросов тов. Вышинский разоблачает некоторые умолчания Розенгольца. Выясняется, что еще при встрече с Седовым в Карлсбаде Розенгольц получил от Троцкого указания о том, что контрреволюционный переворот следует приурочить к моменту военного нападения на СССР. Розенгольц и Крестинский признают, что после ареста ряда участников заговора, в том числе Пятакова, Троцкий в одном из писем потребовал форсировать контрреволюционный переворот. Выясняется активная роль Крестинского в переговорах с Тухачевским по этому поводу, причем Крестинский заявляет, что Тухачевского особенно торопить не приходилось, так как он сам «торопился». Троцкий требовал ответить на приговор по делу Пятакова террористическими актами против руководителей партии и правительства.

Тут же обнаруживается одно обстоятельство, проливающее свет на поведение Крестинского в первый день настоящего процесса. Крестинский сознается, что Троцкий в своем письме выражал негодование по поводу откровенного признания Пятаковым на суде своей вины и требовал, чтобы заговорщики в случае ареста отрицали свою виновность.

— Может быть ваше поведение на суде два дня тому назад тоже было продиктовано вот этой директивой?— спрашивает прокурор Крестинского.

В ответ слышится растерянное бормотание.

Продолжается допрос Розенгольца. В конце марта 1937 года у Розенгольца состоялось совещание с Крестинским и Тухачевским. Выясняется, что после ареста Ягоды Крестинский систематически и упорно побуждал Тухачевского форсировать проведение контрреволюционного переворота.

Далее Розенгольц показывает, что по его поручению, с помощью Седова и соответствующих иностранных фирм, Троцкому было передано до 300 тыс. долларов из фонда экспортлеса. Финансовые каналы Наркомвнешторга использовались также для передачи Троцкому 110 тыс. долларов ежегодно, не считая целого ряда других «взносов» на троцкистскую деятельность.

С циничным спокойствием матерого шпиона рассказывает Розенгольц о том, что еще в 1923 году по предложению Троцкого он передавал руководителю рейхсвера Германии генералу Секту сведения о советских военно-воздушных силах, а позднее и секретные сведения по внешней торговле. Розенгольц проводил свою шпионскую работу систематически. Он проводил вредительскую работу в системе Наркомвнешторга.

Суд переходит к допросу подсудимого Крестинского. Крестинский рассказывает, что предательская его работа началась еще в 1921 году, когда он вступил в нелегальный троцкистский центр в составе Троцкого, Пятакова, Серебрякова, Преображенского. Годом позднее, по поручению Троцкого, он заключил соглашение с генералом Сектом о постоянной денежной субсидии от рейхсвера троцкистской организации в обмен за передачу шпионских сведений. Соглашение выполнялось до 1926 года, когда рейхсвер сообщил об отказе от него, что оказалось лишь маневром для заключения нового, более выгодного рейхсверу соглашения. Троцкисты обязались систематически передавать шпионские сведения, а в случае захвата власти обеспечить интересы германской буржуазии. Таким образом, с 1923 по 1930 год троцкистская контрреволюционная организация получала ежегодно от рейхсвера 250.000 германских марок.

При от'езде из Германии Крестинский договорился о том, что деньги следует вручать Путне, который был тогда военным атташе в Берлине.

В 1929 году, во время отпуска и лечения в Кисингене, Крестинский имел свидание с Седовым и получил указание Троцкого о необходимости для находящихся в Союзе ССР троцкистов подавать заявления об отказе от троцкизма, законспирироваться и действовать методами двурушничества. Несколько позже Троцкий потребовал перехода к террору, подготовки убийств руководителей партии и правительства. При свидании с Крестинским в Меране, Троцкий заявил, что власть можно захватить только силой, а так как силы троцкистской организации недостаточны, то нужно прибегнуть к помощи иностранных государств. Начало этому уже положено в давнишнем соглашении с рейхсвером, но в условиях гитлеризации Германии это соглашение устарело. Фашистам нужна не только шпионская информация троцкистов. Им нужны колонии. В случае прихода заговорщиков к власти нужды фашистской Германии будут удовлетворены за счет некоторой части территории Советского Союза. Тогда же Троцкий заявил, что необходимо подготовить силы и внутри Советского Союза для предполагаемого захвата власти. Троцкий рекомендовал связаться с Рыковым, Бухариным, а также с Рудзутаком и Тухачевским. Наконец, Троцкий потребовал развертывания террора, диверсий, вредительства. Во время этого же разговора в Меране, Троцкий выражал недовольство тем, что Розенгольц «в последнее время ничем себя не проявляет» и предложил Крестинскому «активизировать» Розенгольца.

О своих разговорах с Троцким Крестинский информировал Пятакова, Розенгольца, Тухачевского и Рудзутака. После этого «право-троцкистский блок» усиленно готовил контрреволюционный переворот. Этот переворот приурочивался к началу войны с Германией. В конце декабря 1936 года была получена директива Троцкого всемерно ускорить осуществление контрреволюционного переворота.

Из дальнейшего допроса Крестинского выясняется, что этот обер-подручный Троцкого сам входил в бандитский центр «право-троцкистского блока», после того, как оттуда «выбыли» разоблаченные враги народа Пятаков, Зиновьев, Енукидзе, Рыков и другие. Крестинский там пытался продолжать их иудино дело, проектировал вкупе с Тухачевским, Розенгольцем, Гамарником террористические акты и контрреволюционные выступления. Но органы НКВД своевременно оборвали эти подлые, вражеские махинации. Обер-подручный Троцкого был арестован.

Теперь он держит ответ по всей совокупности своих иудиных дел.

На этом допрос подсудимого Крестинского заканчивается. В конце вечернего заседания суд приступает к допросу подсудимого Раковского.

ДНЕВНИК УТРЕННЕГО ЗАСЕДАНИЯ 5 МАРТА

Всю первую половину утреннего заседания Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР 5 марта занял допрос подсудимого Раковского.

Раковский, по собственному его признанию, в течение 35 лет является «политическим и личным другом» закоренелого обер-бандита Троцкого. Все эти годы Раковский оставался его неизменным сторонником и оруженосцем, не порывал с ним связи, верой и правдой служил этому преданному наймиту фашизма.

Факты неумолимы. Маска с лица Раковского сорвана. Он предстает перед судом, как хищный, коварный враг, полный лютой злобы против социализма, против советского народа, как матерый шпион, продававшийся фашистским разведкам.

Еще в 1924 году Раковский продается «Интеллидженс-Сервис». Он стал шпионом английской разведки с благословения Троцкого.

Впрочем... имеются все основания считать, что шпионская профессия Раковского началась значительно раньше. Он сообщает суду, что агенты «Интеллидженс-Сервис» Армстронг и Леккерт, пришедшие к нему в Лондоне в 1924 году по поручению английской разведки, пред'явили письмо, написанное во время империалистической войны и предназначенное для германской разведки. Письмо содержало шпионские сведения о Румынии. Под письмом стояла подпись Раковского.

На суде Раковский пытается оспаривать подлинность своей подписи и дает сбивчивые ответы на вопросы тов. Вышинского по этому поводу.

Государственный обвинитель тов. Вышинский был вправе заявить на суде о своих больших подозрениях, что письмо, которое пред'явили Армстронг и Леккерт Раковскому, было не подложным, а подлинным и что уже тогда, во время мировой войны, Раковский, находившийся в Румынии, был агентом германской разведки.

Бандиты стоили друг друга. Они вместе осуществляли враждебные антисоветские замыслы. Они вместе шпионили для иностранных разведок в интересах борьбы с партией и советской властью. И признания Раковского показывают, до какой глубины падения дошли эти предатели.

Раковский сообщает суду о своей встрече с Троцким в 1928 г. накануне от'езда последнего в ссылку в Алма-Ату. Троцкий поделился тогда со своим единомышленником планом побега из Алма-Аты за границу. На вопрос Раковского, каким образом Троцкий думает совершить побег через пустыни и горы Средней Азии, Троцкий ему сказал, что он надеется на помощь «Интеллидженс-Сервис». И тут же Троцкий конфиденциально сообщил Раковскому, что он, Троцкий, связан с «Интеллидженс-Сервис» с 1926 года через одного из представителей концессии «Лена-Гольдфильдс» и что английская разведка поможет ему в бегстве из Советского Союза.

Так вершились контрреволюционные дела. Раковский передает шпионские материалы «Интеллидженс-Сервис». То же делает и Троцкий. Раковский вербует для английской разведки новых агентов. Троцкий в обмен за некоторые услуги со стороны этой разведки помогает английским консерваторам осуществить разрыв отношений с Советским Союзом. Он консультирует «твердолобого» консерватора Хикса, как лучше создать инцидент с СССР. Он подсказывает налет на Аркос. Мало того, через своих подручных в Аркосе он обеспечивает Хиксу и «повод» для разрыва отношений, фабрикует провокационные документы, которые лондонские троцкисты подбросили в помещение Аркоса.

Такова «политическая и личная дружба» прожженных бандитов.

Это тесное сообщничество шпионов и негодяев, об'единенных одними кровавыми интересами, продолжается и после того, как Троцкий был выброшен за пределы Советского Союза, вплоть до ареста Раковского.

В сентябре 1934 г. Раковский во главе советской делегации общества Красного Креста выехал на международную конференцию в Токио. И там он охотно идет навстречу пожеланиям некоего высокопоставленного лица господствующих кругов Японии сотрудничать с японской разведкой «в интересах, — как заявило это лицо, — того течения (то-есть троцкизма), которое вы (то-есть Раковский) представляете».

Результат ясен:

«Я возвратился в Советский Союз с мандатом японского шпиона», — цинично заявляет подсудимый.

Раковский связывается с представителями право-буржуазных кругов Франции и ведет подрывную работу против франко-советского сближения.

Один враждебный акт следует за другим. Предательство следует за предательством. Троцкистский сподвижник, румынский помещик, вконец изолгавшийся авантюрист, он усердно выполняет задания заклятого врага советского народа Троцкого и их общего хозяина — фашистских агрессоров.

Допрос полностью обнажает злодейские преступления Раковского. И когда прокурор тов. Вышинский, резюмируя показания Раковского, спрашивает его, как следует квалифицировать все эти преступления, то разоблаченному шпиону ничего не остается, как полностью признать себя виновным в государственной измене, в подлой антисоветской деятельности, в подготовке государственного переворота в интересах фашизма, в том, что «право-троцкистский блок» является отрядом фашистской агрессии.

***

Во второй половине утреннего заседания суд переходит к допросу подсудимого Зеленского.

С невероятным цинизмом Зеленский показывает о своих кошмарных злодеяниях против революции и советского народа. В 1911 году он был завербован самарским жандармским управлением в качестве агента-осведомителя. Он получает в охранке клички «Очкастый», а затем «Салаф». В его «послужном списке» спустя некоторое время уже значились предательство руководителей Самарской с.-д. организации, подготовка и осуществление провала всей Самарской с.-д. организации.

Провокаторский стаж Зеленского этим, однако, не исчерпывается.

Государственный обвинитель тов. Вышинский напоминает подсудимому о его связях не только с самарским, но также с саратовским и оренбургским охранными отделениями. Хозяева ценили своего верного пса. Зеленский начал свою провокаторскую работу с 25 рублей «жалования» в месяц, а спустя некоторое время он получал уже... 100 рублей.

Гнусный предатель Зеленский пытается прикинуться «Иваном, не помнящим родства».

Тогда тов. Вышинский оглашает отношение оренбургской охранки, в котором руководитель охранки спрашивал: «Прошу уведомить, что такое могло случиться за последнее время с Зеленским?».

Провокатором Зеленским интересовалась также и саратовская охранка.

Прокурор говорит: Все, значит, с вами ищут связи и заботятся о вашей судьбе. Так это или нет?.

И «Очкастый» отвечает: — факты таковы.

Боясь своего разоблачения, Зеленский примыкает к фашистской банде правых реставраторов капитализма. Будучи на ответственной работе в Средней Азии, он вкупе с буржуазными националистами осуществляет вредительство всюду и во всем. Это он осуществлял грубейшие перегибы в колхозном строительстве Средней Азии.

Вредители и диверсанты право-троцкистской банды, орудовавшие в Центросоюзе во главе с обер-бандитом Зеленским, прежде всего срывали торговлю товарами широкого потребления. Так, в первом квартале 1936 года многие районы Курской области неделями не получали сахара. Районы Ленинградской области долгое время не имели махорки. Летом 1936 года ряд сельских пограничных районов Белоруссии продолжительное время не получал печеного хлеба. В том же году вредители Центросоюза по указке Зеленского уничтожили в Москве 50 вагонов яиц.

Фашистский выродок Зеленский невозмутимо показывает далее, что после обследования торговой сети торговой инспекцией в первом квартале 1936 года не было соли в 3.700 лавках. В 2.000 лавках не оказалось сахара. 1.600 лавок не имели махорки.

Разматывая клубок преступлений Зеленского и его сообщников в области производства и торговли маслом, тов. Вышинский спрашивает:

— Были ли случаи, что члены вашей организации, имеющие отношение к масляному делу, в масло подбрасывали стекло?

Зеленский. Были случаи, когда в масле оказывалось стекло.

Вышинский. Не «оказывалось», а подбрасывалось. Вы понимаете разницу: подбрасывалось стекло. Были такие случаи?

Зеленский. Были случаи, когда в масло подбрасывалось стекло.

Вышинский. Были ли случаи, когда ваши соучастники, сообщники преступного заговора против советской власти и советского народа подбрасывали в масло гвозди?

Зеленский. Были случаи.

Вышинский. Вот это и есть организация вредительской, диверсионной работы. В этом вы себя признаете виновным?

Зеленский. Признаю.

Систематические обсчеты и обмеры покупателей, замораживание товарооборота, огромные растраты и хищения, подбор в кооперативный аппарат эсеров, меньшевиков, анархистов и белогвардейцев в целях создания повстанческих групп — вот преступнейшие «дела» Зеленского.

Через иностранное бюро Центросоюза Зеленский рассылал за границу клеветническую информацию о работе советской кооперации. Зеленский показал, что вел переговоры с лидерами английской кооперативной партии Александер о поддержке этой партией правых в случае захвата ими власти...

Таков провокатор, вредитель, шпион Зеленский, один из активных «деятелей» право-троцкистской банды.

По окончании допроса подсудимого Зеленского, дневное заседание суда заканчивается.

(БЕЛТА).

КЛЕВЕТНИКИ НЕ НАКАЗАНЫ

Коммунист тов. Ю. Г. Близнюк в 1936 году был назначен начальником Жлобинской железнодорожной школы ФЗУ. Как честный человек и хороший работник, он сразу же серьезно взялся за дело, выявил ряд недостатков в работе отдела подготовки кадров Белорусской железной дороги и по-большевистски их раскритиковал. Начальник этого отдела Кобяк оказался человеком, не уважающим критику. Он возненавидел Близнюка и начал всячески его подсиживать.

Скоро «компрометирующие факты» были отысканы. Кобяку кто-то сказал, что жена тов. Близнюка является дочерью немца и до замужества жила у своего дяди, который привлекался к уголовной ответственности. Кобяк приписывает Близнюку связь с родственниками жены, добавляет кое-что для весксти обвинения и строчит донос начальнику дороги тов. Пономареву. Основываясь на этой клевете, т. Пономарев пишет приказ: «Из-за невозможности дальнейшего использования Близнюка Ю. Г. с работы на дороге уволить».

Обрадованный успехом своей грязной работы, Кобяк решает довести дело до конца. Он собрал имеющиеся у него клеветнические материалы. Добавив к ним справку о том, что Близнюк, будучи холостяком, в 1925 году, якобы ухаживал за дочерью офицера, Кобяк направляет это послание в парторганизацию, где Близнюк состоит на учете, и настойчиво требует исключить его из партии. Специально прибыв на партсобрание, где обсуждалось это дело, Кобяк настаивает на своем. Но видя, что его не поддерживают, он спрашивает: «Кто даст подписку, что Близнюк не был связан с врагами народа, что он не шпион? ... Вы неправильно расцениваете имеющиеся факты». После такого нажима Близнюка исключили из партии.

Сейчас Жлобинский райком КП(б)Б восстановил в партии тов. Близнюка, как неправильно исключенного. Однако, дело до конца не доведено. Реабилитировав честного коммуниста, райком не добивается привлечения к ответственности клеветника Кобяка.

Не менее яркий пример клеветы был в Жлобинской комсомольской организации. Пролезший в ряды комсомола кулацкий сын Киреев И. Г., работая в банке, присвоил причитающуюся колхозникам премию за проданный государству хлеб. Комсомольская организация райисполкома, где секретарем комитета была тов. Подашева, разоблачила Киреева и выгнала его из рядов комсомола. Затаив злобу против Подашевой, Голембиевского, Железко и других комсомольцев, Киреев пишет на них пространный «разоблачительный материал» и, отпечатав его в нескольких экземплярах, рассылает во все организации. Когда райком комсомола тщательно проверил приведенные Киреевым «факты», оказалось, что все его писание от начала до конца — сплошная клевета. Товарищи, оклеветанные Киреевым, являются честными, активными комсомольцами. Их сейчас реабилитировали, но, к сожалению, клеветник Киреев еще и теперь не наказан за поклеп.

Приведенные факты говорят о том, что некоторые партийные и комсомольские организации односторонне поняли постановление январского Пленума ЦК ВКП(б). Реабилитируя и восстанавливая в рядах партии и комсомола оклеветанных и неправильно исключенных товарищей, они ничего не делают, чтобы привлечь к ответственности виновников клеветы.

И. ГОРОШКО.

Как мы руководим учебой заочников

Плещеницкий район в течение ряда лет является опорным районом белорусского Института массового заочного обучения (БИМЗО) при ЦК КП(б)Б. За эти годы немало коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов (председатели колхозов, члены сельских советов, бригадиры и т. д.), будучи заочниками, изучили историю партии, курс тем по ленинизму и т. д. В районе и сейчас имеется группа людей в 20 человек, которые 4 года подряд обучаются в системе БИМЗО. Эти товарищи изучили популярный и повышенный курс по истории ВКП(б), ленинизму, а сейчас изучают курс политэкономии. Отзывы слушателей о заочной учебе хорошие.

В начале текущего учебного года мы организовали в районе 4 группы заочников: по изучению истории партии по учебнику, по первоисточникам классиков марксизма-ленинизма, по ленинизму и по политэкономии. К сожалению, руководство института взялось руководить только двумя кружками.

В настоящее время в группе товарищей, изучающих политэкономию, обучается 18 человек. Эти товарищи своевременно приступили к изучению предмета и уже сдали зачеты по 9 темам.

Группа коммунистов, изучающих историю партии, по вине БИМЗО начала свою работу только с 20 ноября и поэтому успела сдать зачеты по 6 темам. Чтобы наверстать упущенное и в срок выполнить учебную программу, мы созываем заочников ежемесячно на конференции не на три дня, а на пять дней.

О состоянии заочной учебы мы слушали на бюро райкома отчеты инструкторов, отдельных парторгов. Райкомом приняты меры к обеспечению слушателей учебниками. В отдельных случаях мы высылаем учебники слушателям на-дом. В учебе мы широко используем наглядные пособия. Для более глубокого изучения той или иной темы очень важно прослушать цикл лекций по радио. Для этой цели во всех сельсоветах нами оборудованы радиопартаудитории.

Среди заочников есть много товарищей, которые серьезно относятся к учебе и показывают прекрасную успеваемость. К числу таких можно отнести тов. Шабана—председателя Завишинского сельсовета, который в течение трех с лишним лет усваивает темы только на отлично и хорошо. Такие же показатели имеют тт. Савчик, Марон, Скалабо, Дашкевич, Далидчик и др.

Были у нас случаи, когда отдельные товарищи (Воробьев, Керлин, Кабенко и др.) нерегулярно являлись на занятия, не готовились к занятиям. Мы заслушали этих товарищей на бюро райкома и приняли соответствующее решение. Дело улучшилось. Товарищи взялись за поднятие своего идейно-теоретического уровня.

Среди заочников имеются отстающие товарищи. Чтобы ликвидировать это отставание, бюро райкома партии решило проводить с ними внеочередные занятия. С 1 по 5 февраля такие занятия мы провели с заочниками по политэкономии и в ближайшее время проведем по истории партии.

Но все же нельзя сказать, что все у нас хорошо. Среди заочников недостаточно развернуто социалистическое соревнование на лучшее усвоение изучаемых тем. Недостаточна еще помощь заочникам со стороны районного Дома партийного просвещения. Эти недостатки нам необходимо в ближайшее время ликвидировать, и тогда учебный план будет выполнен с успехом.

З. ХУРСИК.

Секретарь Плещеницкого райкома КП(б)Б.

О ЗАБЫТОМ РЕШЕНИИ

(Письмо партработника)

Минский горком партии в январе этого года принял неплохое решение об организации учебы секретарей парткомов, парторгов, директоров предприятий и председателей ФЗМК. Согласно решению, занятия должны проводиться три раза в месяц с отрывом от производства по 6 часов в день.

Однако, на деле оказалось иное. 15 января, в первый день занятий, преподаватели не пришли. 25 января из-за неподготовленности преподавателя вместо 6 часов занимались 4 часа. 5 февраля по расписанию были назначены лекции по истории партии. Ждали лектора и не дождались. Вместо лекции по истории партии с нами провели короткую беседу о ведении партийного хозяйства. Не состоялись занятия и 15 февраля.

Горком партии, приняв решение об учебе партийного актива, видимо, забыл проверить, как же выполняется это решение.

БАРКАН.

Секретарь партхома фабрики-кухни.

ДЕЙСТВИЯ КИТАЙСКОЙ АВИАЦИИ

Уничтожено 55 японских самолетов

ЛОНДОН, 4 марта (БЕЛТА). По китайским данным, опубликованным в английском журнале «Интернешенел пресс корреспонденс», китайская авиация с 1 по 15 января произвела 14 воздушных налетов на японские позиции. За эти 15 дней китайская авиация уничтожила 55 японских самолетов, потопила 4 японских канонерки и разрушила 2 японских военных эшелона.

ОТСТАВКА НАЧАЛЬНИКА АВСТРИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

ВЕНА, 4 марта (БЕЛТА). Начальник австрийского генерального штаба фельдмаршал-лейтенант Янза ушел в отставку. Янза был противником германских военных поставок для австрийской армии и находился в дружественных отношениях с быв. командующим германским рейхсвером генералом Фричем. Начальником австрийского генерального штаба назначен бывший руководитель информационного бюро при военном министерстве генерал-майор Франц Беме.

И. о. ответственного редактора Е. Л. СТОЛИН.

Уполн. Главлитбела № С—5111. Типография газ. «Звезда», г. Минск. Советская, 83. Тираж 65.000